

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. Ч. СКРЖИНСКАЯ

О СКЛАВЕНАХ И АНТАХ, О МУРСИАНСКОМ ОЗЕРЕ
И ГОРОДЕ НОВИЕТУНЕ*(Из комментария к Иордану)*

Дурно написанное, не всегда последовательно построенное, неприятное туманностью языка и трудностью шаткого синтаксиса знаменитейшее сочинение Иордана, называемое для удобства «*Getica*»¹, исключительно богато ценными историческими сообщениями, нередко темными или до неясности краткими, но при этом иногда и единственными.

Сведения о славянах относятся именно к подобным редким и досадно немногословным сообщениям. Их очень немного. Это не страницы, это только строки. Задача историка — поглубже вникнуть в их смысл, сочетать его с данными других источников и как можно подробнее, но с крайней осторожностью, раскрыть скупое содержание.

Едва ли можно согласиться с утверждением некоторых ученых, которые пишут о «явной недоброкачественности письменных источников вроде Иордана», или даже об отсутствии какой-либо ценности текста того же автора, как исторического источника². Наоборот, собственно все — великолепные по своему числу, объему и разнообразию — источники V—VI вв., а среди них и труд Иордана, в большей части своего содержания, и каждый по-своему, достоверны, но порой трудны для глубокого исторического анализа.

Как-то при кропотливой работе над важным раннесредневековым памятником, чрезвычайно лаконичным, но неизменно замутненным разного рода абстрагированием, перед одним историком, поразительно пронизательным в понимании средневековых текстов, встал тревожный вопрос: «оживут ли эти мертвые кости?» Перед берущим для исследования текст Иордана этот же вопрос встает неоднократно и тем острее, чем нужнее серьезное объяснение ряда мест из «*Гетик*»³.

¹ *Jordanis Romana et Getica. Rec. Th. Mommsen. MGH, Auct. ant., t. V, 1, 1882.*

² Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 48; L. Hauptmann. *Les rapports des Byzantins avec les Slaves et les Avars pendant la seconde moitié du VI s. Byz., IV, 1927—1928, p. 141.*

³ Как известно, — что явствует из предисловия автора, — Иордан не был самостоятелен в своем труде, представляющем лишь сокращение обширной хроники Кассиодора (ум. после 583 г.), посвященной истории готов и не сохранившейся до нашего времени. Трудно или даже невозможно выделить ту долю самостоятельно добавленного материала, которую Иордан, вероятно, все же внес в свою, в основном сознательно-компилятивную работу. Главное в ней, несомненно, принадлежит Кассиодору, и потому во всех случаях, когда мы говорим об авторе «*Гетик*» и о его сообщениях, следует, помимо Иордана, подразумевать и его непосредственный источник, а именно — хронику Кассиодора.

* *
*

О славянах — венетах, склавенах и антах — Иордан записал в «Гети-ках» следующее:

§ 34: «... у левого их («Альп», т. е. Карпат. — *Е. С.*) склона, спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось племя Венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются Склавенами и Антами»⁴.

§ 35: «Склавены живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским⁵, до Данастра, а на север — до Висклы; вместо городов у них болота и леса. Анты же — сильнейшее из обоих племен — распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину; эти реки удалены одна от другой на расстояние многих переходов»⁶.

§ 119: «После поражения Герулов Германарих двинул войско против Венетов, которые, хотя и были достойны презрения по поводу своего несовершенного оружия, однако могущественные многочисленностью, пробовали сначала сопротивляться. Но ничего не стоит великое число неподготовленных к войне, особенно в том случае, когда и бог попускает, и множество вооруженных подступает».

«Эти Венеты, как мы уже рассказывали в начале нашего изложения, а именно в перечне племен, происходя от одного корня, ныне известны под тремя именами — Венетов, Антов, Склавенов. Хотя теперь, по грехам нашим, они свирепствуют повсеместно⁷, но тогда все они подчинились власти Германариха»⁸.

§§ 247—249: [Винитарий, король Остроготов] «с горечью переносил подчинение гуннам. Понемногу освобождаясь из-под их власти и пробуя проявить свою силу, он двинул войско в пределы антов, и, когда вступил туда, в первом сражении был побежден, но в дальнейшем стал действовать

⁴ «... iuxta quorum sinistrum latus, qui in aquilone vergit, ab ortu Vistulae fluminis, per immensa spatia Venetharum natio populosa consedit. Quorum nomina, licet nunc per varias familias et loca mutantur, principaliter tamen Sclaveni et Antes nominantur».

⁵ Еще один раз Иордан называет Мурсианское (или Морсианское) озеро в § 30: «Скифия погранична с землей Германии вплоть до того места, где рождается река Истр и простирается Морсианское озеро» (*Scythia si quidem Germaniae terrae confines [sic] eo tenus, ubi Ister oritur amnis vel stagnum dilatatur Morsianus*).

⁶ «Sclaveni a civitate Novietunense et laco qui appellatur Mursiano usque ad Danastrum et in boream Viscla tenus commorantur; hi paludes silvasque pro civitatibus habent».

Antes vero qui sunt eorum fortissimi, qua Ponticum mare curvatur a Danastro extenduntur usque ad Danaprum, quae flumina multis mansionibus ab invicem absunt».

⁷ Это горестное сетование на тяжесть последствий от набегов антов и склавенов на империю в его время повторяется Иорданом в конце другого его сочинения, условно именуемого «Романа» (§ 388, р. 52): «Таковы бедственные события в Римском государстве, не говоря уж об ежедневном упорном нажиме со стороны булгар, антов и склавенов» (*Hi sunt casus Romanae rei publicae preter instantia cottidiana Bulgarorum, Antium et Sclavinorum*).

⁸ «Post Herulorum cede item Hermanaricus in Venethos arma commovit, qui quamvis armis despecti, sed numerositate pollentes, primum resistere conabantur. Sed nihil valet multitudo imbellium, praesertim ubi et deus permittit et multitudo armata advenerit».

Nam hi [Venethi], ut in initio expositionis vel catalogo gentium dicere coepimus, ab una stirpe exorti, tria nunc nomina ediderunt, id est Venethi, Antes, Sclaveni; qui quamvis nunc, ita facientibus peccatis nostris, ubique geseviunt, tamen tunc omnes Hermanarici imperiis servierunt».

решительнее и казнил распятием короля их, по имени Божя, с сыновьями его и с семьюдесятью старейшинами, как пример для устрашения, чтобы трупы повешенных удвоили страх покоренных. . .

Но с такой свободой повелевал он [Винитарий] едва в течение одного года; этого положения не потерпел Баламбер, король Гуннов; . . . он повел войско на Винитария. Долго они бились; в первом и во втором сражении победил Винитарий. Едва ли кто в силах припомнить побоище, подобное тому, которое устроил Винитарий в войске Гуннов. Но в третьем сражении, когда оба противника приблизились один к другому, Баламбер, подкравшись к реке Эрак, пустил стрелу и, ранив Винитария в голову, убил его; затем он взял себе в жены племянницу его Вадамерку и с тех пор властвовал в мире над всем покоренным племенем Готов»⁹.

Весьма краткое сообщение Иордана о склавенах, — а они были несколько более, чем анты, известны людям из Константинополя, с Балканского полуострова или из Италии, — сводится исключительно к определению границ занятой ими территории. Однако и это, казалось бы, четкое свидетельство о местах расселения крупного племени или объединения ряда родственных славянских племен, об их пределах с запада и с востока, до сих пор не может считаться бесспорно выясненным; оно продолжает оставаться неуточненным и даже как будто противоречивым. Если рассматривать это известие, сохраненное писателем, хорошо осведомленным о так называемом варварском мире своего времени, изолированно от других источников, — а так делали многие историки, — то ответ на вопрос о границах распространения склавинов оказывается случайным и непрочным, основанным на подборе подходящих объектов (здесь — озеро и город) или их названий. Однако и эта работа ряда ученых, которую нельзя не назвать предварительной, помогла в дальнейшем развитии вопроса, которое теперь должно идти по пути сопоставления скупого текста Иордана с другими текстами одновременных ему источников V—VI вв.

О Мурсианском озере Иордан упомянул дважды. В первом случае оно связывается с указанием западных границ Скифии и названо *stagnus* (§ 30), во втором — с определением границ распространения склавинов и названо *lacus*. С первым термином соединяется представление о как бы стоячей воде, т. е. не о потоке, а об обширном водоеме, о водной глади, в виде пруда или озера. Болото, как правило, обозначается термином *palus*. Так про склавинов Иордан сообщает, что живут они среди болот и лесов (*paludes silvasque*), но границей их является именно озеро (*lacus*)¹⁰, в ином

⁹ *Jordanis Romana et Getica*, p. 121 — 122: «. . . tamen aegre ferens Hunnorum imperio subiacere, paululum se subtrahens ab illis suaque dum nititur ostendere virtute, in Antorum fines movit procinctum, eosque dum adgreditur prima congressione superatus, deinde fortiter egit regemque eorum Boz nomine cum filiis suis et LXX primatibus in exemplum terroris adfixit, ut dediticiis metum cadavera pendentium geminant. . . Sed dum tali libertate vix anni spatio imperasset [Vinitharius], non est passus Balamber rex Hunnorum. . . qui super Vinitharium duxit exercitum; diuque certati primo et secundo certamine Vinitharius vincit. Nec valet aliquis commemorare, quanta strage de Hunnorum Venetharius fecit exercitu. Tertio vero proelio subreptionis auxilio ad fluvium nomine Erac, dum utrique ad se venissent, Balamber sagitta missa caput Venetharii saucians interemit, neptemque eius Vadameram sibi in coniugio copulans, iam omnem in pace Gothorum populum subactum possedit».

¹⁰ Неясно, в отчетливом ли смысле употребляет Иордан слово *lacus*. Например, о Пелсо он два раза говорит *lacus* (§ 268 и 274); то же самое о крупном озере в Италии — Тразименском — около Перуджи (Rom., § 187). Конечно, Мэотиду Иордан называет «болотом» — *Maetis* или *Maetida palus* (§ 38, 44, 117, 123, 124), но в этом он следует античной традиции. Название Мэотиды, как болота, родилось, надо думать, в результате первоначального знакомства с ее берегами, особенно восточными, где на десятки километров тянется весьма широкая полоса плавней: они-то и произ-

случае названное *stagnus*. Кроме Иордана вышеупомянутое название озера не встречается ни у одного из известных нам авторов. Примечательно то, что Иордан называет Мурсианское озеро вместе с неким городом Новиетунум. В локализации как озера, так и города до сих пор нет согласия между исследователями, хотя вопрос о том, где они находились и, следовательно, о том, где пролегал предел распространения склавенов в середине VI в., интересовал историков более двух столетий и продолжает интересоваться до сих пор.

Остановимся на некоторых появившихся в научной литературе предположениях¹¹.

Карамзин (1766—1826) ссылаясь на немецких исследователей XVIII в. и дав перевод отрывка текста Иордана (соответствующего § 35 по изданию Моммзена), пояснил, что «сей Новый город (по изданию, которым пользовался Карамзин, латинский текст был таков: *a civitate nova*. . .) существовал в Мизии, не далеко от болот Эссекских или Мурсийских»¹². В городе, который Карамзин принимал за город «Новый», *civitas Nova*, он видел известный город Новы (*Novae*) в Нижней Мезии, на правом берегу Дуная, ниже впадения в него р. Олта. Таким образом, толкование Карамзина сводилось к признанию западной границей расселения склавенов области около города Мурсы (нын. Осиек, *Osiek* или Эсек, *Eszek* по-венгерски) и впадения реки Дравы в Дунай, где простирались обширные болота, известные в III—IV вв. н. э. под именем *Hiulca palus* (т. е. поглощающая, засасывающая трящина или топь). Эта заболоченная низменность соприкасалась с городами: Цибалы (*Cibalae*, нын. Винковци) и Мурса на нижней Драве; она упомянута тремя авторами разных эпох: Дионом Кассием (II в.), Аврелием Виктором (IV в.) и Эннодием (VI в.), но ни один из них не относит к этим пространственным болотам имени Мурсианского озера¹³.

Вскоре после Карамзина по вопросу о Мурсианском озере высказался известный чешский славист Павел Иосиф Шафарик (1795—1861). Указав на то, что возможно предполагать в Мурсианском озере «болото у города *Mursa*», он тотчас же опроверг такое предположение и принял, как более вероятное, отождествление загадочного озера с «озером Рамзин (Разелм) на южном рукаве Дуная»¹⁴. В связи с ниже-дунайской локализацией Мурсианского озера Шафарик останавливается и на ниже-дунайском Новиодуне, отождествляя этот город с нын. городом Исакча на правом берегу Дуная, несколько выше разделения его на рукава дельты. Таким образом, толкование Шафарика вводило новое объяснение географических

водят впечатление огромного болота. Однако у Помпония Мелы, наряду с общепринятым названием (например: *inter Pontem Paludemque ad Bosphorum*. . . I, 112) Мэотида называется и озером, *lacus* (I, 14, 113). Константин Порфирородный (*De adm. imp.*, сар. 42, в общем заглавии) предлагает называть Мэотиду морем, *η θάλασσα*.

¹¹ В указанной статье Л. Хауптманна приведены многочисленные примеры высказываний относительно места, где могло находиться Мурсианское озеро. Первым в этом перечне назван ректор утрехтского университета, филолог и историк П. Весселинг (*P. Wesseling, 1692—1764*), который затронул вопрос о Мурсианском озере в сочинении «*Vetera Romanorum itineraria*», вышедшем в Амстердаме в 1735 г.

¹² Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. 1, изд. 2-е, 1818, стр. 19, прим. 43.

¹³ *Dio Cass.*, LV, 32, § 3 (ed. Melber, t. III, p. 208—209); *Aurel. Vict. Epit.* 41, § 5 (ed. Pichlmayr, p. 166); *Ennod. Panegy. regi Theodorico*, § 28 (ed. Vogel, p. 205). В этих трех сочинениях даны названия: *Cass.* — «Ὀδοκλαία ἑλη», *Vict.* — «*Hiulca palus*», *Ennod.* — «*Ulca fluvius*».

¹⁴ См. русский перевод сочинения Шафарика «*Slovanské Starožitnosti*» — «Славянские древности», т. I, кн. I. М., 1837, стр. 116 и т. II, кн. III. М., 1848, прилож., стр. 35.

имен, которыми Иордан ограничил область расселения склавен; по Шафарику Иордан имел в виду только низовья Дуная.

Полностью принял предположение Шафарика о том, что город Новиетун и Мурсианское озеро совпадает с гор. Исакча и озером Разелм («Рамзин, Расельм и пр.») южнее дельты Дуная, Ф. Брун в статьях 1854 и 1874 гг.¹⁵ Он подчеркнул: «не при Мурзии на Драве, но при озере Рамзин».

Однако мысль о Мурсианском озере, как о связанном своим именем с городом Мурсой (нын. Осек) на Драве, не была оставлена. В статье «О времени славянских поселений на нижнем Дунае» Р. Рёслер¹⁶ относит называемое Иорданом озеро только к болотам при впадении Дравы в Дунай, получившим, по всей вероятности, наименование от близлежащего города Мурсы. Ввиду того, что Рёслер не придерживался правильного чтения *civitate Novietunense*, то он так же, как и Карамзин, исходил не из названия «Новиетун», «Новиодун», а из имени города *Novae*, т. е. «Новы» в Нижней Мезии.

Сблизил эти точки зрения Моммзен, издатель текста Иордана в 1882 г. Он считал, что город Новиетун (такое чтение было основано на лучших списках труда Иордана) не может быть ничем иным, как Новиодуном Нижней Мезии, близ дельты Дуная (т. е. нын. г. Исакча). Но Мурсианское озеро Моммзен искал не поблизости от Новиодуна — Исакчи, а около города Мурсы на Драве. Здесь, вдоль нижнего течения Дравы, и лежали, по представлению Моммзена, те обширные болотистые пространства, которые Иордан охватывал общим понятием *lacus* или *stagnus* и которые соответствовали обозначениям *Niulca palus* Аврелия Виктора и *Oùolkaiia ἔλη* у Диона Кассия¹⁷.

Разбирая далее в хронологическом порядке развитие взглядов на местоположение продолжающего оставаться загадочным Мурсианского озера, нельзя не отметить нового его отождествления. В Чехии, по-видимому, была высказана мысль о том, что искомое озеро надо видеть в нынешнем Нейзидлерском озере, расположенном к югу от Дуная, а именно в той его части (между Веной и Братиславой), где в него впадает река Моравы (по Нидерле, *Slovanské Starožitnosti*, т. II, стр. 292—93, прим. 1, где указан автор этой мысли: *Sasinek. Sborn. mus. spol. slov.*, 1896, str. 15).

Толкование Мурсианского озера как Нейзидлерского было через несколько лет развито Фр. Вестбергом в статье «О передвижении лангобардов».¹⁸ В главе, посвященной антам, он защищал новую точку зрения относительно Мурсианского—Нейзидлерского озера. Нынешнее Нейзидлерское озеро простирается на 330 кв. км; на востоке к нему примыкает огромное болото «Ханшаг». Само озеро называется либо *Neziderske*, либо по-славянски *Mošonske jezero* — Мошонское озеро, от слова «мох», что можно сблизить с другими подобными славянскими названиями, вроде «Замошье», «В моши», озеро «Мошное»¹⁹ и т. д. Если допустить чтение не *Mursianus*, а *Musianus*, *Mosianus*, *Mossianus*, что как раз встречается

¹⁵ Эти статьи — 1) Нечто о Добрудже (из «Одесского вестника», № 45 за 1854 г.) и 2) Черноморские готы и следы долгого их пребывания в южной России (из 24-го тома «Записок Академии Наук» за 1874 г.). — вошли в сборник статей Ф. Бруна «Черноморье»; см. т. I, 1879, стр. 40—42; т. II, 1880, стр. 204—205.

¹⁶ R. Roesler. Über den Zeitpunkt der slavischen Ansiedlung an der unteren Donau. Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften. Philosoph.-hist. Kl., Bd. 73, Heft 1, Jahrg. 1873. Wien, 1873, S. 85—88.

¹⁷ См. прим. 13.

¹⁸ Фр. Вестберг. О передвижении лангобардов. Записки Акад. наук, VIII серия, т. VI, № 5, 1904, стр. 11—14.

¹⁹ Добавим, что к востоку от Нейзидлерского озера встречаются такие названия как: Мошонмадьярвар, Мошонсолнок, Мошонсентяноч.

в некоторых списках текста Иордана (см. Моммзен, стр. 63, разночтения по Ватиканскому Оттобонианскому кодексу X в. и по Бреславльскому — XI в.), то допустимо видеть в *Iacus Mursianus* (= *Musianus*) Мошонское или Нейзидлерское озеро. Выбор именно озера, а не болота, как отвечающего неясному географическому указанию Иордана, Вестберг оправдывает смыслом латинских слов *Iacus* и *stagnus* в противоположность «болоту», *palus*. К тому же это озеро находится неподалеку от того места Дуная, которое могло быть пограничным в смысле двух названий реки: Данубий и Истр; это подходит для объяснения слов Иордана — «где рождается (или начинается) Истр», *ubi Ister oritur amnis*, которыми он отметил местонахождение Мурсианского озера.

Сразу после Вестберга тема о Мурсианском озере была вновь подввергнута исследованию в специальной статье Ю. А. Кулаковского, озаглавленной вопросом «Где начинается территория славян по Иордану?»²⁰. Автор полагал, что Иордан имел в виду то озеро, которое Птолемеем было названо «Фиагола» (*λίμνη Φιαγόλα*, кн. III, гл. 10) и которое, по Птолемию же, было образовано северным устьем Истра. Хотя в настоящее время и нельзя найти среди названий в районе дельты Дуная ни одного такого, которое напоминало бы название Мурсианского озера, но последнее, по мнению Кулаковского, все же может соответствовать системе озер и болот на левом берегу Дуная, а именно — трем ныне существующим озерам: Ялпук, Кагул и Кагурлар. Подобная локализация Мурсианского озера подкреплялась близостью к дельте Дуная города Новиодуна — нын. Исакчи, что, впрочем, уже было указано для истолкования текста Иордана в «Славянских древностях» Шафарика.

Параллельно Кулаковскому назвал те же пункты для объяснения слов Иордана историк хорватов Фердо Шишич²¹.

Выдающийся в ряду современных историков славянства чешский ученый Любор Нидерле (1865—1944) не разошелся в своем взгляде на толкование Новиетуна и Мурсианского озера с Моммзеном. Он признал Новиетун городом Исакчей на нижнем Дунае, а Мурсианское озеро — болотистой низменностью вокруг устья Дравы и у берегов Дуная, близ ее впадения в него. Однако Нидерле не нашел оснований, чтобы отвергнуть точку зрения Сасинека и Вестберга относительно Нейзидлерского озера и принял ее, как вполне оправданную доводами этих исследователей. По-видимому, его сильно склонило в сторону их мнения замечание так называемого анонимного нотариуса короля Белы IV; в произведении этого анонима, написавшего свою «Венгерскую историю» (*Historia Hungarica*) в XIII в., говорится (гл. 57) о «*lutum Musun in confinio Pannoniae*» (о «топи по названию Мусун в пределах Паннонии»). Если сблизать *Musun* с *Mošonske*, то придется отнести *Musun* к Нейзидлерскому озеру, как и полагает Нидерле. Однако по данному соображению, заметим следующее: если Нейзидлерское озеро и лежит, действительно, в Паннонии (Верхней), то болота *Hülsa*, расположенные вокруг города Мурсы, с одной стороны, лежат также в Паннонии (Нижней), а с другой — больше отвечают выражению *lutum*, что значит топь, вязкая грязь, тина. Итак, выводы Л. Нидерле таковы: «Согласно свидетельству Иордана славяне в начале VI столетия сидели в бесчисленном множестве в средней Европе так, что поселения их (*sidla jejič*) шли на юг к Дунаю, простираясь от устья Савы (т. е. мурсийских болот) или от озера Нейзидлерского до устья Дуная (где было поселение Новиетун, *osada Novietunum*), а на запад — к линии,

²⁰ ЖМНП, март 1905 г., стр. 123—136.

²¹ F. Šišić. *Geschichte der Kroaten*, 1917, I, 42, 1. «*Mursianus lacus*».

которая соединяла истоки Вислы в Силезии с Мурсой или Шопороном (т. е. венгерским городом Soróny или Oedenburg к юго-западу от Нейзидлерского озера); таким образом — опять к среднему Дунаю по крайней мере до Прессбурга или впадения Моравы» (мой перевод с чешского; «Slovanské Starožitnosti», т. II. Прага 1910, стр. 291—292). В 1923 г. Нидерле подвел итог всем разногласиям, разобранным им подробно в «Славянских древностях» (т. II, прим. 1, на стр. 292—293), и сделал следующий, по-видимому, окончательный вывод: «Текст со словами «lacus Mursianus» (Morsianus, Musianus) и «civitas Novietunensis», испорченными в манускриптах, породил многочисленные объяснения (см. Slov. Star., II, p. 292 и 531). Но вне всякого сомнения (il est hors de doute), что первое название означает либо (soit) болота, расположенные в окрестностях Мурсы, при устье Савы, либо (soit) Нейзидлерское озеро (Iutum Musun у Анонима короля Бельи, 57); второе — Noviodunum около устья Дуная, по соседству с нынешним городом Исакча. Славяне располагались компактными массами ранее середины VI в. от Нейзидлерского озера, т. е. (с'est à dire) от устья Савы, вплоть до устья Дуная» (мой перевод с французского: Manuel de l'antiquité slave, t. I. Paris, 1923, p. 47, not. 1). В этом отрывке непонятно, почему Нидерле соединяет с рекой Савой город Мурсу (нын. Осиек), располагающуюся на обоих берегах не Савы, а Дравы.

Крупнейший русский славист акад. А. А. Шахматов мимоходом коснулся определения Мурсианского озера и города Новиетун в примечаниях к своей работе «Древнейшие судьбы русского племени» (Петроград, 1919, стр. 10, прим. 2 и 3). Автор категорически высказался за Новиодун—Исакча: «Noviodunum (готы произносили, по-видимому, Novietunum) — это город близ современного Исакчи на правом берегу Дуная в Добрудже (на запад от Тульчи)». Мурсианское озеро Шахматов склонен признать в одном из озер неподалеку от устья Дуная: «Что такое lacus Mursianus (или Musianus), до сих пор не выяснено. . . , но ясно, что его надо искать на юге Молдавии или Бессарабии; ср. Муржени — поселение в Молдавии».

Ссылаясь на Шахматова и Нидерле, писал о невыясненных до конца городе и озере академик Ю. В. Готье²², присоединяясь к тому мнению, что Новиодун был на месте Исакчи, а Мурсианскому озеру соответствует озеро Нейзидлерское в бывшей Паннонии. Последнее отождествление автор мотивирует тем, что «легче себе представить широкую волну славян, двигавшихся на юг через Паннонию, нежели длинную вереницу переселенцев, огибавших всю дугу Карпат, чтобы дойти до Адриатического моря»²³.

Следует отметить, что В. О. Ключевский обошел упоминание как о Мурсианском озере, так и о Новиодуне: [Склавены] «обитают на север до Вислы, а на восток — до Днестра (usque ad Danastrum); леса и болота заменяют им города. [Анты], самые сильные из венетов, простираются по изогнутому побережью Черного моря от Днестра до Днепра. Значит, славяне, собственно, занимали тогда Карпатский край. Карпаты были общеславянским гнездом, из которого впоследствии славяне разошлись в разные стороны»²⁴.

Из современных специалистов по древнейшей истории славян проф. П. Н. Третьяков затронул вопрос о «загадном озере» и об упомянутом наряду с ним городе, но так же как и предыдущие исследователи не пришел к определенному решению. «Где находится названный Иорданом город Новиетун и какое озеро именовали в древности Мурсианским — осталось неизвестным. Но полагают, что западные пределы склавинских

²² Ю. В. Готье. Железный век в восточной Европе, 1930, гл. II, стр. 42.

²³ Там же, стр. 43.

²⁴ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. 1, 1937, стр. 101.

земель лежали где-то в верховьях реки Дравы²⁵». Двухкратное указание П. Н. Третьякова на «верховья реки Дравы», как на место, куда доходили границы распространения склавен, является, несомненно, опиской; автор имел в виду нижнее течение Дравы, где был расположен город Мурса.

Интересна новейшая точка зрения словенских ученых, а именно Л. Хауптманна и Б. Графенауэра. Оба считают, что Новиедун соответствует нынешнему городу Исакача, а Мурсианское озеро надо предполагать в болотах вокруг устья Серета, особенно же близ впадения в нижний Серет его правого притока Бузеу (Buzeu), именовавшегося в древности «Museus»²⁶.

Итак, в настоящее время еще нет окончательно установленного отождествления ни Мурсианского озера, ни города Новиедуна. Одни полагали, что Мурсианское озеро соответствует болотам Hiulca около гор. Мурсы (Карамзин, Реслер, Моммзен, Нидерле, Третьяков); другие видели его в озерах близ дельты Дуная: либо к югу от нее (Шафарик, Брун), либо к северу от нее (Кулаковский, Шахматов, Шишич, Хауптманн, Графенауэр); наконец, третьи определяли его, как Нейзидлерское озеро в Паннонии (Sasinek, Вестберг, Нидерле, Готье). Как видно по указанным в скобках фамилиям, Нидерле принял сразу две точки зрения на местоположение Мурсианского озера, признав и болота у Мурсы, и Нейзидлерское озеро, чем подчеркнул продолжающую наблюдаться гадательность в решении вопроса²⁷. Поэтому естественно привести некоторые соображения в разъяснение текста Иордана помимо тех, которые уже высказывались.

Первое упоминание Иорданом Мурсианского озера (в § 30) связывается им с определением западной границы Скифии²⁸; второе (в § 35) — с определением западного предела расселения склавен. На основании повторного указания Иорданом на один и тот же географический пункт, а именно — Мурсианское озеро, можно заключить, что в какой-то мере в этом пункте западная граница Скифии и западная граница распространения склавен совпадали. В обоих случаях — и как граница Скифии и как граница склавен — Мурсианское озеро является крайним на западе на той территории, которая на востоке кончается рекой Данастром. В отношении территории, занятой склавнами, Днестр служит восточной границей; в отношении Скифии эта река отделяет лишь одну из частей страны, которая в целом простирается гораздо дальше на восток. Если Иордан при описании всей Скифии и пользуется данными разных древнейших географических сочинений и карт, то при опи-

²⁵ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1948, стр. 53 и 76; изд. 2-е, М., 1953, стр. 156.

²⁶ L. Hauptmann. Les rapports des Byzantins avec les Slaves et les Avars. . . , 138—141, со ссылкой на V. Párvan. Considerațiuni asupra unor nume de râuri dacoscitice. Memoriile secțiunii istorice, III, I, 1923, pp. 12, 19. B. Grafenauer. Nekaj vprašanj iz dobe naseljevanja južnih Slovanov. Zgodovinski časopis, 4, Ljubljana, 1950, str. 28: «neko jezero v bližini Seretovega izliva v Donavo (ali lacus Moesianus — Mezijsko jezero, ali lacus Museanus — Musejsko jezero, imenovano tako po Seretovem pritoku Museus, danes Buzeu)». — Ср. в сводном труде «История народа Югославия» кн. I, Београд, 1953.

²⁷ В одном из последних обзоров — в статье «Slavi», помещенной в 31 томе «Enciclopedia italiana» (1936), — совершенно не затронут вопрос о Мурсианском озере и городе Новиедуна. Автор статьи — профессор Римского университета Джованни Мавер.

²⁸ К определению западной границы Скифии, данному Иорданом в § 30, следует добавить отмеченное им несколько ниже, в § 33: «В Скифии первым с запада живет племя гепидов, окруженное великими и славными реками; на севере и северо-западе протекает Тизия, с юга же [эту область] отсекает сам великий Данубий» (in qua Scythia prima ab occidente gens residet Gepidarum, que magnis opinatisque ambitur fluminibus. Nam Tisia per aquilonem eius chorumque discurrit, ab africo vero magnus ipse Danubius. . . secat).

сании западной части он, надо думать, опирается на конкретные, известные ему географические признаки, существовавшие в его время.

Итак, в представлении людей VI в. западная граница расселения склавенов связывается 1) с местом, «где рождается» («возникает», «начинается») Истр: «ubi Ister oritur amnis» (§ 30), 2) с местом, где «простирается Мурсианское озеро»: «stagnus dilatatur Mursianus» (§ 30), 3) с местом, где — как первое племя с запада: *prima ab occidente gens* — сидят гепиды (§ 33), причем с севера и с северо-запада по их области протекает река Тисса²⁹, 4) с городом Новиетуном. Хотя все перечисленные признаки и принимались во внимание вышеназванными исследователями (особенно подробно Ю. А. Кулаковским), но брались они почему-то не в их совокупности, которая сразу же создает впечатление о юго-западном угле Скифии и западной границе склавенской земли где-то в области впадения в Дунай рек Савы, Дравы и Тиссы. Признак 3) с ясностью говорит именно о реке Тиссе, с которой и при Иордане связывалась область «Гепидия», хотя в соприкосновение с империей гепиды в VI в. вступали в местах несколько более южных, а именно на Саве близ Сирмия и на Дунае близ Сингидуна. В данном случае указание Иордана на Тиссу и гепидов вполне определено. С этим краем Скифии, где «первым народом» живут гепиды, соединяются Иорданом указания на «рождение Истра» и на Мурсианское озеро.

Иордан и Прокопий в VI в., а задолго до них Помпоний Мела, Страбон и Птолемей — все сообщали о том, что Дунай имел два названия: для верхней части Данубий, для нижней — Истр. Кроме того, нередко вся река целиком именовалась Данубием. Вообще, по-видимому, для античных авторов не было полностью ясно, в каком именно месте одно название реки сменялось другим. Свидетельства Страбона, Птолемея и Плиния расходятся.

Страбон (VII, гл. 3, § 13) сообщал, что Данубием называются верхние части (*τὰ μὲν ἄνω καὶ πρὸς ταῖς πηγὰς μέρη*) реки от истоков до «катарактов» (*μέχρι τῶν καταρακτῶν*), причем это название употребляется главным образом даками. Нижние же части вплоть до Понта (*τὰ δὲ κάτω μέχρι τοῦ πόντου*) называются у гетов Истром. Тут же Страбон замечает, что язык даков и гетов один и тот же (*ὁμόγλωττοι δ' εἰσὶν οἱ Δάκοι τοῖς Γέταις*). Как видно, Страбон указывает на двоякий признак, по которому Дунай делится на «Данубий» и «Истр»: с одной стороны «катаракты», с другой — место соприкосновения даков с гетами. «Катарактами» на Дунае считали, скорее всего, те водовороты, которые образуются течением реки в теснинах так называемых «Железных ворот» (около нын. гор. Турну—Северина)³⁰.

Птолемей, описывая границы Нижней Мезии (III, 10, 1), сообщал, что с севера эта провинция была ограничена «частью Данубия от реки Киобра³¹ до Аксиуполя, а отсюда (т. е. от Аксиуполя) — Данубием, который зовется Истром вплоть до устьей, впадающих в Понт» (*καὶ τῷ ἐντεῦθεν Δανουβίῳ καλουμένῳ δὲ Ἴστρῳ μέχρι τῶν εἰς τὸν Πόντον ἐκβολῶν*). Как видно, Птолемей

²⁹ Важно помнить, что в VI в. гепиды были известны в империи как обитатели некоторой части правого побережья Дуная, так как они захватили области важнейших для византийцев городов — Сирмия и Сингидуна (*Γηπαίδες μὲν τὰ ἄμφι Σιγγιδόνον τε καὶ Σίρμιον χωρία ἔσχον, ἐντός τε καὶ ἐκτός ποταμοῦ Ἴστρου, ἔνθα δὴ καὶ ἐς ἐμὲ ἴδρυνται*. Bell. Vand., I, 2, § 6; также Anecd., 18, 18). Здесь гепиды обеспечивали за плату переправу склавенов на правый берег Дуная (Bell. Goth., IV, 25, § 5).

³⁰ Есть на Дунае меньшие пороги, близ Братиславы, ниже впадения в Дунай р. Моравы (левого притока).

³¹ По-видимому, река *Cibrus* (нын. Цибрица), правый приток Дуная, впадающий в него ниже г. Видина (древн. *Βοποία* в Мезии).

указывает пункт, ниже которого Данубий называется Истром; это — город Аксиуполь, на правом берегу нижнего Дуная, где река поворачивает резко на север, отделяя Дсбруджу с западной стороны.

Плиний, который сам бывал в придунайских провинциях, до известной степени определил место «рождения» или «начала» Истра. Коснувшись «устий Истра» (*ostia Histri*), он кратко говорит о всей реке: «рождается он (*ortus hic*, то есть Дунай) в Германии, на хребте горы Абнобы (Шварцвальд)... и, пройдя течением своим под именем Данубия бесчисленные народы — причем с огромным увеличением вод, — он получает название Истра едва только начинает омывать берега Иллирика» (*Nat. hist. IV, 79*). По определению самого Плиния Иллирик тянется «от реки Арсии до реки Дирина» (там же, III, 150), то есть от реки Арсы, текущей с севера на юг в восточной части полуострова Истрии и впадающей в Адриатическое море, до реки Дрины, крупного правого притока Савы, впадающего в нее выше г. Митровицы (Сирмия). Сопоставив эти сведения Плиния, нельзя не отметить их явной неточности: Иллирик действительно, имел восточной границей р. Дрину, но так как она вливается в Саву выше ее — Савы — впадения в Дунай, то последний никак не мог омывать берега Иллирика, если Иллирик не заходил восточнее Дрины. Однако эта неточность Плиния до известной степени объясняется общей расплывчатостью понятия Иллирик. С самого начала (с I в. н. э., когда закрепилось римское завоевание Иллирика) он включал в себя совершенно обособленные друг от друга области — Паннонию и Далмацию; они вместе обычно и назывались Иллириком. Но бывали случаи, в том же I в., когда к Иллирику причисляли еще и Верхнюю Мезию. Так, например, Тацит объединил в своем изложении легионы Далмации, Паннонии и Мезии как относящиеся к Иллирику (*Tac. Hist., I, 76 1—2*). Значит, иногда граница Иллирика отодвигалась к востоку, захватывая районы Сирмия, Сингидуна и даже «катарактов».

Из слов Плиния можно извлечь лишь приблизительный вывод, что где-то в местах, недалеко от слияния Савы с Дунаем, в области Сирмия и Сингидуна (но, очевидно, не ниже), Данубий получал имя Истра. В виду того, что у Иордана «начало» Истра сопряжено с рядом признаков (см. ниже, стр. 14), определение Плиния — хотя и нечеткое — может отчасти разъяснить слова Иордана: «где рождается (начинается) река Истр». В общем смысле тут же начиналась «Скифия», тут же жили гепиды, связываемые с Тиссой и Дунаем. Отсюда Данубий становился Истром, не теряя, однако, первого названия, до наших дней относящегося ко всей реке в целом.

По тексту Иордана здесь же — конечно, приблизительно — должно было находиться Мурсианское озеро. Если взглянуть на географическую карту, а именно — на Паннонию, Иллирик, Верхнюю Мезию, то глаз не отыщет в этих областях никаких значительных озер, кроме двух: Нейзидлерского и Балатона. Благодаря утвердившемуся мнению, что озеро Балатон именовался у древних писателей *Pelso* или *Reiso*, никто обыкновенно и не останавливался на мысли об этом озере при попытках отождествления иордановского Мурсианского озера. Однако озеро Балатон едва ли соответствует тому водоему, который обозначался названием *Pelso*. Существенно отметить, что на всем протяжении своего труда Иордан дважды называет Мурсианское озеро (§ 30 и § 35) и дважды — озеро *Pelso* (§ 268 и § 274), причем в обоих случаях в точном смысле — как определяющие географические показатели. По-видимому, оба названия были хорошо известны автору, и он сознательно относил их к разным озерам. Едва ли ошибся бы Иордан в отношении озера *Pelso*, которое связы-

валось с владениями остроготов, тем более — с владениями Тиудимера, отца знаменитого Теодориха. Не удастся точно определить область, принадлежавшую старшему брату Тиудимера, Валамеру, и находящуюся, по видимому, поблизости: *inter Scarniungam et Aqua nigra [так!] fluvios*. Эти реки не отождествлены окончательно³². Есть у Иордана и косвенное указание на то, что Пелсо не находилось (как Балатон) в центре Паннонии, так как остроготы, жившие у озера Пелсо (*iuxta lacum Pelso*), воевали с садами, владевшими внутренней Паннонией (*contra Sadagis, qui interiorem Pannoniam possidebant*, § 272). Когда Тиудимер задумал отомстить свавам за грабежи, то он, не выходя из своих владений, «подстерег их (свавов) при переходе» (*vigilavit in eorum transitu*) из Далмации через Паннонию и разбил у озера Пелсо (*ad lacum Pelsodis*).

Сомнение относительно тождества между Пелсо и Балатоном переходит в уверенность после внимательного прочтения одной фразы, брошенной писателем середины IV в. Аврелием Виктором в его рассказе об обстановке смерти императора Галерия Максимилиана. Галерий заболел и умер (в 311 г.) во время работ по освобождению от лесов и болот восточной части Паннонии; эта часть была выделена в особую провинцию, которую он назвал Валерией по имени своей жены, дочери императора Диоклетиана. Аврелий Виктор записал, что «вырубались огромные леса» (*caesis immanibus silvis*) и «было спущено в Дунабий озеро Пелсон» (*emisso in Danubium lacu Pelsonis. De caesaribus*, 40, § 9—10, ed. Pichlmayr, p. 122). Западная граница провинции Валерии неясна, но как будто она даже не захватывала озера Балатона. Южной ее границей была нижняя Драва, северной и восточной — Дунай. Если военачальник, располагавший большими отрядами войск, и имел возможность проводить крупные работы по осушению почвы руками своих солдат, *opere militari*³³, то все же невозможно представить, чтобы в условиях дремучих лесов и бездорожья, с помощью примитивной техники начала IV в., римские солдаты могли... спустить в Дунай озеро Балатон. Да и вообще подобное мероприятие не могло быть направлено на озеро площадью около 600 кв. км и местами глубиной до 15 м. Спустить в Дунай в условиях IV в. можно было, вероятно, лишь часть какого-либо болота, расположенного недалеко от берега реки, не больше. Следовательно, на основании данных *De caesaribus* — вполне достоверного источника IV в.³⁴ — необходимо перестать относить название Пелсо к Балатону. Если же пытаться приурочить имя Пелсо к какому-либо другому озеру или болоту, то не остановиться ли для этого на северной полосе болот *Hiulsa*, которые частично находились в пределах провинции Валерии? Не было ли слово Пелсо — видоизмененное слово «плес», «плесо» — славянским названием обширных болот по Дунаю и вокруг нижней Дравы?³⁵. Конечно, спущенным в Дунай могло быть лишь

³² Ср. L. Schmidt. *Geschichte der deutschen Stämme*. München, 1934, S. 270, где указаны два варианта отождествления.

³³ Такой случай отмечен тем же писателем в отношении города Сирмия, который страдал от болотистой почвы: солдат принуждали производить земельные работы — «*ad siccandum lacunis ac fossa urbem ipsi... adigerentur, quae [urbs] palustri solo hiemalibus aquis corrumpitur*» (*De caesar.*, 37, § 4, p. 115).

³⁴ Как известно, серия кратких описаний жизни и деятельности римских императоров (до Юлиана включительно), называемая *De caesaribus*, считается подлинным произведением Аврелия Виктора, который в середине IV в. был правителем Паннонии. Существует сомнение относительно сокращенной версии *De caesaribus*, обычно называемой *Epitome*, которая не считается безусловным произведением этого же писателя. Название *Hiulsa palus* около города Цибал упомянуто в *Epitome* (a. 314. 41, § 5, ed. Pichlmayr, p. 166).

³⁵ Почему не допустить, что славянское население могло уже в IV в. зафиксировать свои, славянские, названия по берегам Дуная. Ведь новая датировка «Диалогов»

какое-нибудь озеро или отдельный участок из общей громадной заболоченной площади, известной под именем *Hiulca*.

Итак, крупнейшее озеро в центре освоенной римскими legionами Паннонии, озеро, охваченное с востока, запада и северо-запада римскими дорогами³⁶, которые в какой-то мере оставались линиями передвижений и в V—VI вв., оказывается лишенным названия, так как название *Пелсо* от него отпадает.

Возможно, что это озеро определялось старым местным словом «блато», «болото» (откуда, быть может, *Балатон*)³⁷, употреблявшимся в славянской среде и получившим латинский перевод словами *lacus* или *stagnus*. Прилагательное же «Мурсианский», будучи, вероятно, искусственным (для утращения слышного общего понятия *lacus, stagnus*), добавлялось лишь потому, что пути к этому «болоту» начинались (для ромеев) преимущественно от города *Мурсы* на *Драве*. Так, по нашему предположению, могло появиться название «Мурсианского озера» — *lacus (stagnus) Mursianus*³⁸.

Здесь следует добавить, что и вообще-то искать это озеро около дельты Дуная представляется в корне неправильным: ведь отмечаемую Мурсианским озером западную границу распространения склавеносов современники не могли, конечно, помещать где-то около Черного моря в то время, когда каждому обитателю дунайского правобережья, более того — в Константинополе, в Фессалонике, в Диррахии и отчасти даже в Италии было известно, что страшные набеги склавеносов из-за Дуная совершаются в ряде

Псевдо-Кесария — начало V в. (см., например, издание Византийского Института. Сербской Академии наук «Византиски извори за историју народа Југославије», т. I. Београд, 1955), и поэтому сведения, сообщаемые в этом источнике о славянах на Дунае, могли бы относиться к еще более раннему времени.

Эта ранняя дата написания «Диалогов» устанавливается в статье югославского исследователя Фр. Баришича (Када и где су написани Псеудо-Цезаријеви Дијалози. Спирска Акад. наука. Зборник радова XXI. Византолошки инст., I, 1952, стр. 29—51). Такая дата кажется нам — в отношении данных о славянах — более убедительной, чем дата 530—558 гг., предложенная болгарским исследователем И. Дуйчевым (Ivan Dujčev. Le témoignage du Pseudo-Césaire sur les Slaves. *Slavia antiqua*, t. IV, 1953, p. 193—209). В «Диалогах» некоторые сведения о славянах, как правильно показал И. Дуйчев, исходят не из наблюдений, а из мифов (например, из мифа об амазонках); естественно отнести подобные рассказы как раз к тем временам, когда в империи еще не знали славян в той степени, в которой их стали знать в VI в. Автор «Диалогов» еще не слышал об опустошительных славянских набегах из-за Дуная, о чем неперестанно писали авторы VI в. А его описание перехода варваров через Дунай по льду ничто не мешает скорее отнести к готам или гуннам, чем к славянам. Варварские племена — противники империи — постоянно переходили Дунай по льду. Ср., например, *Amm. Marcell.*, XIX, 11, 4.

³⁶ От *Мурсы* на *Драве* через *Могентиану* (*Mogentiana* у юго-западного конца *Балатона*) на *Саварию* и дальше на *Виндобону*; от *Мурсы* же через *Озоны* (*Osones* у северо-восточного конца *Балатона*) на *Аррабону*, *Бригетион* и *Аквинк*; между *Могентианой* и *Озонами* вдоль северо-западной стороны озера.

³⁷ Как известно, вдоль юго-восточного берега озеро *Балатон* очень мелко и болотисто.

³⁸ Мы оставляем без определения — да третьего древнего определения после *Пелсо* и *Мурсианского озера* в источниках пока и нет — значительное *Нейзидлерское озеро*. Признать его *Мурсианским* мешает то, что оно находится гораздо дальше, чем *Балатон*, и от *Мурсы*, и от гепидов около *Сирмия* и *Сингидуна*, и от всего узда путей, которые связывали центр *Паннонии* с *дунайским побережьем* — границей владений *Византии* ниже впадения в Дунай *Дравы* и *Савы*. Быть может, подтверждением присутствия многих славянских племен именно в *Паннонии*, в центре которой находится озеро *Балатон*, является сообщение *Прокопия* о том, что герулы, побежденные *лангобардами* и ушедшие на север (вернее — на северо-запад от областей вокруг *Сингидуна*), «миновали все славянские племена, одно за другим», ἤμειψαν μὲν τὰ Σκλαβηρῶν ἔθνη ἐφεξῆς ἀπαύτα. *Bell. Goth.*, II, 15 § 2). Это, по-видимому, значит, что герулы прошли через славянские племена *Паннонии*, а затем — *Полабья*.

мест гораздо западнее и выше его устьев, вплоть до опаснейшего пункта в отношении переправы варварских отрядов около Сингидуна и Сирмия³⁹. В глазах ромеев пределы расселения (и появления) склавеннов были именно широко растянуты в западно-восточном направлении, почему и второй пункт западной границы склавеннов—город Новиетун—также следует искать отнюдь не на нижнем Дунае, хотя к подобной локализации Новиетуна склонялось большинство исследователей⁴⁰.

Мурсианское озеро отмечено у Иордана еще одним существенным признаком: оно упомянуто вместе с городом Новиетуном, причем относящийся к обоим названиям общий предлог «а» (от) показывает, что автор представлял себе эти пункты вместе и что для указания границы территории с одной стороны он привлек два, дополняющие друг друга географические пункта. Мало возможной кажется точка зрения тех (Моммзен, Нидерле), кто разделяет эти пункты, полагая—надо думать,— что Иордан начертил линию от Дравы до Черного моря, а затем как-то странно прибавил еще кусок территории до Днестра. Текст говорит иное: называются два пункта (начало Истра и озеро в § 30, озеро и город в § 35), а затем указано, что определяемая ими с одной стороны (с запада) область простирается вплоть до Днестра (*tendens usque ad flumina Tugam Danastrum*). Автор имел в виду некоторую протяженность не между озером и городом, а между озером— вместе с началом Истра или вместе с городом— и Днестром. Последовательнее рассуждают те (Шафарик, Брун, Кулаковский, Шишич, Шахматов), кто ищет и Мурсианское озеро и Новиетун вместе, близ дельты Дуная. Но если они с удовлетворением опираются на Новиодун (современная Исакача на нижнем Дунае, перед разветвлением его на несколько рукавов), крупный пункт обороны и укрепленное место переправы на левый берег Дуная, то, в свою очередь, не слишком удален от озера Балатона и от Мурсы другой Новиодун (*Neviiodunum*) в Верхней Паннонии, близ впадения реки *Sozogas* (Гурк, или по-словенски *Krga*) в Саву, на месте нын. селения Дерново⁴¹. Раскопками здесь обнаружены монументальные позднеримские (III—IV вв.) стены и прекрасный водопровод; город стоял на узле путей, на крупной военной дороге между Сирмием (через Сисцию и Эмону, нын. Люблян) и Аквилеей, то есть воротами в Италию; отсюда же отходила дорога на юг к далматинскому побережью.

Трудно видеть Новиетун Иордана в Новиодуне у дельты Дуная и потому, что полоса земли от дунайских гирл до Днестра чрезмерно узка для склавеннов. Ни описанные в источниках крупные походы склавеннов и антов, ни общее потрясающее впечатление, которое они производили в империи, причиняя бедствия, названные Иорданом *tragydiae* (*Romana*, § 388), не могли исходить только с узкой территории между Дунаем и Днестром. Нижний Дунай, как было сказано, не вяжется с тем началом Скифии, где, во-первых, «рождается» Истр, во-вторых, сидят гепиды вокруг Тиссы.

³⁹ Здесь следует напомнить о том кратком уточнении, которое Иордан сделал в § 30: он связал Мурсианское озеро с районом соприкосновения или пограничного взаимопроникновения Скифии и Германии. Если озеро Балатон (предполагаемое нами Мурсианское озеро) не находится на самой расплывчатой границе между Скифией и Германией (а подобные линии границ едва ли могли быть четки в представлении человека, смотревшего издали в условиях географических познаний VI века), то уж озеро или болото близ дельты Дуная никак не могло быть рассматриваемо как расположенное в местах, прилегающих к Германии.

⁴⁰ См. выше, стр. 6—10.

⁴¹ Этот Новиодун близ Савы, соответственно римским надписям, назывался *Neviiodunum*. Ср. *CIL*, III, 1, *Pannonia superior*, 3919, 3921. Не случайно, что во всех рукописях сочинения Иордана сохранен звук «е»—*Novietunum*.

Трудно предполагать, как это делает Моммзен, что Иордан употребил слово *origur* — «рождается, начинается» — применительно к устьям Дуная. Иордан, наоборот, вполне правильно ставит это слово, когда говорит об истоках Вислы (*ab ortu Vistulae*, § 34), Днепра (*ortus grande palude*, § 46), Дуная (*in Alamannicis arvis exoriens*, § 75); если он один раз (в § 32) и пишет о Дунае «*ab ostea sua usque ad fontem*», то лишь для того, чтобы с ударением указать именно на нижнюю часть реки и ее общее с верхней название; в другом случае (в § 75) он опять пишет правильно: «*a fonte suo usque ad ostia in Ponto vergentia*». Следовательно, не в области нижнего Дуная должен был находиться Новиетун, сочетаемый Иорданом с Мурсианским озером. Кроме того, существенно, что, по-видимому, уже в V в. славяне находились на территории, занятой гуннами, гораздо западнее как Днестра, так и нижнего Дуная, а именно, на запад от Тиссы⁴² и даже в Паннонии. Тем более широким и неудержимым потоком разлились славянские племена в VI в., и не случайно Иордан, указав на венетов на верхней Висле, заметил, что в его дни (*nunc*) это многолюдное племя (*patio populosa*) изменило и места своего расселения (*loca* — § 34) и имя.

Автор этими словами хотел выразить мысль о том, что при нем, т. е. в VI в., славянские племена, делившиеся на три крупных объединения — венетов, склавен и антов, — изменили и увеличили площадь распространения, которую в отношении двух южных, более грозных для империи, групп он и определил в их основных (преимущественно южных) границах. Итак, текст Иордана в § 30 и §§ 34—35, будучи во времена автора вполне ясным, но затемненный в наши дни [тем, что 1) название Мурсианского озера ни в одном из источников, кроме «Гетик», не приводится, 2) городов с именем Новиетуна — Новиодуна несколько, 3) «начало» Истра указывается в разных источниках разное], может быть истолкован на основании вышеизложенных доводов так: Мурсианское озеро — озеро Балатон; *civitas Novietunensis*, *Novietunum* — город Невиодун на р. Саве при впадении в нее правого притока Гурка (*Corcoras*, *Krca*); «начало» Истра — окол устья Савы.

В подкрепление мысли о показанном выше весьма широком — от средней Савы и восточной Паннонии — разливе склавен на северных подступах к границам империи (в VI в.) можно привести одно из многочисленных описаний славянских походов в области к югу от Дуная. Любые из этих описаний решительно не позволяют отрицать присутствия большого количества славян непосредственно к востоку от области Венетий, на Драве и Саве. Ярко об этом свидетельствует один из рассказов Прокопия⁴³. Он передает, что лангобарды, занимаая земли в провинциях Норике и Паннониях, были соседями гепидов, которые завладели тогда городом

⁴² Приск переправился через Дунай около впадения в него Моравы и двигался на запад, пересек три реки, из которых одна — *Tifras* была Тисса. После этого он пришел в «деревни» (*κωμαι*), где пил «мед» (*μεδος*), то есть попил, по-видимому в места поселения славян. *Prisc. fr. 8*, ed. Dindorf, I, p. 300. Ср. слово «страда». отмеченное Иорданом (*Get.*, § 258). Как известно, еще в 40-х годах прошлого столетия указывалось, что слово «страда» происходит от готского *straujan* (Габеленц и Лебе, Якоб Гримм, Мюллергоф; см. в указателях Моммзена к изданию *Getica*, MGH. *Auct. ant.*, V, 1, p. 198). Но допустимо предположение, что соприкасаясь в первой половине V в. со славянами, гунны восприняли именно от них это слово, определяющее редкое, исключительное событие — пир по знатному усопшему. Обычно группируют три славянских слова, связанные с ранним славянством на северном побережье Дуная: мед, страда, плот. Однако третье из них — «плот» — имело другую судьбу, не коснувшуюся гуннов; оно проникло в византийскую военную среду в VI в. и употребляется как особый термин в XI книге «Стратегикона» Псевдо-Маврикия (*Upsala*, 1664, стр. 277).

⁴³ *Bell. Goth.*, III, 35, § 17—22.

Сирмием, привлекавшим также и лангобардов. Один знатный лангобард по имени Ильдигис (Ιλδιγγης), в результате неудачной борьбы за власть, бежал к склавенам (ες Σκλαβηνοὺς φεύγει). В это время разгорелась война между лангобардами и гепидами. Ильдигис вменялся в эту войну, став на сторону гепидов. Он явился к ним, ведя с собой группу лангобардов (из недовольных и перебежавших к нему) и многих склавен (καὶ πολλοὺς Σκλαβηνοὺς ἐπαγαγόμενος). После победы лангобардов Ильдигис бежал с некоторыми гепидами обратно к склавенам (ες Σκλαβηνοὺς αὐθις ἀφίκετο). Так как лангобардов поддерживал Юстиниан, то Ильдигис, не имея надежды на его помощь для получения власти над своим племенем, направился к противнику империи, вождю боровшихся с ней остроготов, Тотиле (541—552) и повел к нему войско не менее, чем из шести тысяч воинов. С этим войском Ильдигис вошел в провинцию Венетий, разбил ромейский отряд, но «не смешался с готами, а перейдя Истр, отступил обратно к склавенам» (οὐ μόντοι Γότθοις ξυνέμιξεν, ἀλλ' Ἴστρον ποταμὸν διαβάς αὐθις ες Σκλαβηνοὺς ἀπεχώρησεν). Поход лангобарда Ильдигиса в северную Италию произошел в 548 г. Его можно назвать славянским, потому что Ильдигис, хотя и пришел к склавенам с некоторым количеством гепидов, но вышел от них с шеститысячным войском, несомненно составившимся преимущественно из склавен. Показательно и то, что после сражения он привел это войско обратно (αὐθις) в страну склавен.

Этот поход склавен в Италию не являлся, конечно, единичным. Им был вообще знаком путь вверх по Саве, через Невнодун и Эмону к Аквилее. Так двигались, например, те «склавы» (*gens sclavorum*), о которых говорит в одной из булл папа Григорий I (590—604): «через подступы к Истрии они начали проникать и в Италию»⁴⁴.

Славянские племена появлялись из-за Дуная значительными отрядами, а нередко и целым «войском» в несколько тысяч человек — στρατεύμα, στρατός. Описывая эти походы, авторы постоянно употребляют термины, означающие массы, толпы людей: πολὺς ὄμιλος, πλῆθος τῶν βαρβάρων, αἱ τῶν Σκλαβηνῶν ἀγέλαι, иногда даже «πανδημεί» — «всем племенем», и дают ясно понять, насколько тяжелы для страны были эти опустошительные набеги, всегда сопровождавшиеся грабежами и уводом в плен сотен и тысяч людей. Так славяне двигались по всем путям, издавна пересекавшим Балканский полуостров. От главных переправ на Дунае и на Саве они шли а) поднимаясь вверх по Мораве, через Наисс и Сердику на Филиппополь и Адрианополь к стенам Константинополя; б) также вверх по Мораве к югу до Скопле и вниз по Вардару до Фессалоники; в) тем же путем в Македонию, затем в Грецию, проникая к Коринфу и южнее; г) взяв более западное направление, в Далмацию, на Диррахий; д) самым западным путем в область Венетий уже в пределах Италии⁴⁵.

Вот этих-то склавен, которые были в VI в. подлинной, неотвратимой грозой для империи и обрушивались на ее владения не на каком-либо узком участке, а широким фронтом, растянувшимся с запада на восток

⁴⁴ PL, t. 77, col. 1902. У Иордана (*Get.*, § 292) отмечен этот же путь в связи с походом Теодориха (на Гесперию), то есть на Италию: «прямым путем через Сирмий поднялся он в соседящие с Паннонией области, откуда вошел в пределы Венетий и остановился лагерем у так называемого Моста Сонция» (на р. Изондо около Аквилеи).

⁴⁵ Все эти направления славянских походов на империю выясняются из сообщений, главным образом, Прокопия. Например, *Bell. Goth.* I, 27, § 1—2; III, 13, § 24, 14, § 11, 29, § 1—3, 38, § 9, 40, § 1—5, 7, 38—39 и др.; *Anecd.*, 18, 20—21, *Menandri fr.* 47, 48 и др. *Theophylacti Symocattae Historia* I, 7, § 1—2, 5; VI, 4, § 1—5; VII, 2, § 14, 16 и др.

по Саве и Дунаю, Иордан и определил как живущих между Мурсианским озером и городом Новиетуном (на западе) и Днестром (на востоке).

* *
*

По краткому определению Иордана границы территории, занятой антами (*Antorum fines*, как говорится в § 247), достигали на востоке Днестра и будто бы не заходили западнее Днестра (§ 35). С юга область антов примыкала к морскому заливу, к излучине Понта (§ 35), то есть помещалась между лиманами или в низовьях обеих упомянутых рек.

После того, как места расселения склавенен оказались столь широко и, по-видимому, глубоко раскинутыми к северу от Дуная и Савы с Дравой, странным представляется, что «сильнейшим» из обоих славянских племен (*eorum fortissimi*) занята сравнительно небольшая площадь. Но Иордан, прекрасно зная места частых набегов антов из-за Истра, не мог ясно рисовать себе их распространение на север и северо-восток; эта граница терялась где-то вдалеке, а близко ощущались лишь результаты тяжело переносимого «ежедневного упорного нажима» (*instantia cottidiana*) со стороны болгар, антов и склавенен (*Rom.*, § 388).

Писатели — современники Иордана, преимущественно Прокопий, постоянно объединяли антов со склавенями и не только благодаря ими же констатируемому сходству между этими племенами — одинаковые образ жизни, язык, внешний вид и т. д. (ср. *Roman. Bell. Goth.*, III, 14, § 22—30), но и в связи с совместно предпринимавшимися военными и политическими действиями. Из этих сообщений следует, что анты были не менее многочисленны и не менее грозны для империи, чем склавенны, крупные размеры отрядов которых неоднократно точно указывались. Антам не менее, чем склавеням, были знакомы побережья Дуная и отходящие от него пути⁴⁶, по которым удавалось проникнуть к Наиссу, Адрианополю и Константинополю, к Фессалонике и в Грецию, к Диррахию и даже в область Венетий и в Италию⁴⁷. Прокопий ставит антов вместе со склавенями в ряд с серьезнейшими врагами Византии — персами, сарацинами и «остальными варварами» (*Anecd.*, 11, § 11). К антам не меньше, чем к склавеням относится обобщающее утверждение того же автора о том, на каком колоссальном пространстве — от Адриатического моря до Константинополя — набеги обоих племен оставляли за собой страшную «скифскую пустыню» (*ἡ Σκλιθῶν ἐρημία*), и это ходячее, известное с античности, выражение получило в VI в. новое конкретное содержание (*Anecd.*, 18, § 20—21). Переходя Дунай, анты вместе со склавенями, нередко и с гуннами, опустошали владения империи на широких территориях Иллирии и Фракии и показывались около «Длинных стен» — передового укрепления на подступах к столице. Анты двигались большими отрядами, целым войском, настолько сильным и опасным, что против него императору приходилось направлять особо назначенных стратигов. Так было в первый год правления Юстиниана, когда его племянник, известный полководец Герман, будучи стратигом постоянно угрожаемой Фракии, отразил натиск антов: «Анты... перешли реку Истр и громадным войском (*στρατὶ μεγάλῳ*) обрушились на землю ромеев... Герман вступил с ними в бой, одолел в битве вражеское войско и перебил почти всех (антов). За такой подвиг он снискал великую славу

⁴⁶ Ср. выше (стр. 17) о путях, по которым славяне проникали в разные области империи.

⁴⁷ *Ibidem*. В Италию анты приходили в составе византийских войск (*Bell. Goth.*, I, 27, § 1—2; III, 22, § 2, 5, 22).

среди всех людей, но особенно среди тех самых варваров» (Bell. Goth., III, 40, §§ 5—6). И в последующие годы царствования императора Юстиниана главной функцией стратига Фракии (не провинции, а диоцеза Фракии) была охрана береговой границы по Истру от нашествий антов и склавен. Успеха в этом трудном деле достиг стратиг Фракии Хилбудий, отражавший варваров в течение трех лет — 531—534 гг. — у переправ через Дунай; однако когда Хилбудий погиб и организованное им сопротивление со стороны империи нарушилось, «та река навсегда стала открытой для перехода варваров по любому их желанию, владения же ромеев оказались легко доступными (для врага)» — καὶ τὸ λοιπὸν ὁ τε ποταμὸς ἐχθρῶς αἰεὶ τοῖς βαρβάροις κατ' ἐξουσίαν καὶ τὰ Ῥωμαίων πράγματα εὐφροδὰ γέρονε. (Bell. Goth. III, 14, § 6).

Византия не могла не считаться с антами и пыталась обезопасить их, прибегая к искусству своей дипломатии. В 545 г. Юстиниан направил к ним посольство, предлагая город, землю, деньги за мир и защиту империи от гуннов (собственно же и от них самих, антов). Но последние настолько чувствовали свою силу, что не нашли нужным согласиться на предложенные им условия, поняв невыгодные для себя цели византийских дипломатов. Как крупнейшее племя сами анты также посылали послов, хотя и не всегда успешно заканчивавших свою миссию, если судить, например, по судьбе антского посла Межамира к аварам (Menandri fr. 6).

Только очень сильные отряды, какие посылались антами (и склавенами) за Истр, могли увозить такое количество пленников, как это описывается Прокопием (например, более 200 тысяч уведенных в рабство ромеев; Апецд., 18, § 21) или Менандром (fr. 6). Только крупные набеги могли сопровождаться такими опустошениями и грабежами, о каких пишет, например, Прокопий, многократно употребляя выражение ἀήκεστα ἔργα — «невыносимые бедствия». Типична его запись об одном из антских нападений на Фракию в 40-х годах VI в.: «В то время анты обрушились на земли Фракии и многих из тамошних ромеев угробили и обратили в рабство. Они их угнали и вернулись к себе на родину» (Bell. Goth., III, 14, §§ 11—12). Характерен здесь глагол ἐπισκῆπτω — тяжело, стихийно обрушиваться, безудержно набрасываться.

Темпы передвижения антов, как и склавен, не могли быть приравнены к скорости переходов, которые делали кочевники на конях. Следовательно, славянские племена жили гораздо ближе к объектам своих непрерывных нападений, чем легко перемещавшиеся степняки — наездники, и потому поселения антов и склавен, находились, надо думать, в небольшом количестве в соответственных районах дунайского левобережья. Это ничуть не исключает и более широкого ареала распространения антов — в частности на восток, в сторону Приднепровья. Византийские писатели говорят не только о «κῆφραι» и «ἄγροι», но о целой «земле антов» (ἡ γῆ τῶν Ἄντων, Menandri fr. 6), об их «родине», «родных областях» (τὰ πατρία, Bell. Goth., III, 14, § II); об антах и склавенах вместе Прокопий отзывается как о «народе» (в смысле большого племенного объединения, а не мелкого племени) ὁ λεῶς (= λαός, там же, III, 14, § 30).

Таким образом, едва ли можно утверждать, что анты распространялись лишь к востоку от Днестра, как сообщил Иордан, проявивший в данном месте своего труда стремление к чрезмерно точному проведению географических границ, что антов не было на северном берегу Дуная. Вернее предположение, что они не только смыкались по четкой линии Днестра со склавенами, но и проникали в области расселения последних, перемежаясь с ними по крайней мере в восточной части северного Подунавья.

Объединяя свои сообщения об антах и склавенах, Прокопий пишет, что и те и другие «владеют (νέμονται) большей частью противоположного побережья Истра» (там же, III, 14, § 30), что и те и другие «основались за рекой Истром, недалеко от его берегов» (там же, I, 27 § 2). При этом тот же автор даже подчеркивает, что анты жили в ближайшем соседстве со склавенами — Ἄνται, οἱ Σκλαβητῶν ἄγχιστα ψῆγῃται (там же, III, 40, § 5), и делает ударение на их тесном соприкосновении (может быть — взаимопроникании?), употребляя превосходную степень в наречии ἄγχιστα.

Нельзя забывать, что где бы ни жил Иордан, когда писал свое сочинение,⁴⁸ и откуда бы ни рассматривал Кассиодор изображаемые им события, во всяком случае автора находились гораздо южнее и западнее тех мест, которые описывали, касаясь славянских племен. Иными словами, едва ли могли быть известны им северные и восточные пределы распространения антов. Если Иордан слишком определенно ограничил расселение антов Днестром и Днепром, то, казалось бы, можно ждать разъяснения от Прокопия, который один раз обмолвился о восточных районах, населенных антами. Вовсе не имея последних объектом специального внимания, Прокопий лишь упомянул о них, описывая «окружность» (περίοδος) Понта Евксинского от Халкедона в Вифинии до Константинополя. Среди рассматриваемых Прокопием областей наиболее темной для автора остается часть побережья между Таврикой и дельтой Истра, хотя, в связи с политикой Юстиниана, писатель неплохо осведомлен о расселении гуннских племен кутригуров и утигуров; первые занимали места к западу от Танаиса и Мэотиды, вторые — к востоку. После определения территории утигуров Прокопий и «роняет» ставшее общеизвестным и, к сожалению, предельно краткое замечание о территории, занятой антами: «выше их (то есть утигуров) к северу обосновались безмерные племена антов» (καὶ αὐτῶν καθύπερθεν ἐς βορρᾶν ἀνεμὸν ἔθνη τὰ Ἄντων ἀμετρα ἴδρυνται) (Bell. Goth., IV, 4, § 9). Если буквально следовать тексту, то получается, что анты распространялись к северу от территории, ограниченной с запада Мэотидой и Доном, так как эта именно территория была занята утигурами. Но продолжается ли здесь у Прокопия та же строгая последовательность в описании «окружности» Понта Евксинского, какая соблюдалась им до сих пор? По-видимому, нет: как раз на Мэотиде и Таврике она нарушается. Помимо вставок об устье Танаиса и Мэотиды, помимо повествования о событиях в жизни гуннов (кутригуров и утигуров) и троекратного возвращения к вопросу о готах-тетракситах, что отвлекло автора от основной линии его рассказа (впрочем, кое в чем могла быть и позднейшая интерполяция), в эту часть сочинения Прокопия вкрались мало свойственные ему ошибки: с Херсоном, столь хорошо известным Византии, оказались объединенными отдаленные от него города Таманского полуострова (там же, IV, 5, § 28). Кроме того, начиная отсюда, вдруг свертывается, сокращается подробное описание «окружности» Понта; создается впечатление о худшей осведомленности автора относительно этого северного и северо-западного отрезка побережья. Последние этапы намечены совершенно кратко: «от города Херсона до устьев реки Истра, которую называют также Данубием, пути десять дней, и всей тамошней землею владеют варвары» — «βάρβαροι δὲ τὰ ἐκείνην ἑὸμπαντα ἔχουσιν» (там же, § 29). И дальше: «отсюда же [от устьев Истра] вплоть до Византия все земли принадлежат императору ромеев. Такова окружность Евксинского Понта от Халкедона до Византия» (там же, § 31).

⁴⁸ Ср. прим. 3.

Следовательно, хуже других частей Прокопий показал северо-западную часть «окружности», обойдя молчанием как раз устья Днепра и Днестра и ту излучину морского берега между ними, которую назвал Иордан, определяя южную границу распространения антов (*qua Ponticum mare curvatur. Get. § 35*). На побережье к югу от дельты Дуная Прокопий не нашел нужным остановиться, потому что лежащие здесь византийские владения всем известны. Тут же он и сам констатировал приблизительность своего описания, говоря, что вообще по берегам Понта «обитает огромное множество варваров, причем у ромеев с ними нет никакого общения (*ἐπιμιξία*) кроме случаев посольства» (там же, § 32). В другом месте он прямо указывает на невозможность точного исследования (*ἀκριβολογεῖσθαι*) районов за Истром (т. е. севернее его), так как варвары сделали недоступной (*βατήν ἤμιστα*) ту часть побережья для ромеев (*Bell. Vand. I, 1, § 10*).

Таким образом выясняется, что Прокопий сам сознавал свое бессилие с точностью описать северо-западное Причерноморье. Не обладая детальными сведениями об этих местах, он, очевидно, пользовался картой, что подтверждается его выражением *καθ' ὑπερθεὸν ἐς βορρᾶν ἄνεμον*, которое свидетельствует о карте, ориентированной на север. На картах, бывших в употреблении в V—VI вв., не могло быть хоть сколько-нибудь точного распределения территорий, занятых разными племенами северного Причерноморья. Явно не точно и указание направления антской территории (к северу от утигуров, живших восточнее Дона).

Следовательно, слова Прокопия о «безмерных племенах антов» к северу от степей, где располагались гуннские примэотийские племена, имеют самое общее, приблизительное значение. В таком смысле они не лишены известной правильности, так как южные славянские племена восточной ветви, т. е. анты, действительно жили в северо-западном направлении от Мэотиды и как раз на трудно доступной для византийца территории — вглубь от северо-западных берегов Черного моря. Вполне верным в разбираемой цитате является утверждение Прокопием поразительной многочисленности антских племен. Итак, даже краткая и нечеткая запись одного из лучших историков VI в., сделанная одновременно с Иорданом, в общем не противоречит данным последнего, а до некоторой степени дополняет их, так как подчеркивает самое широкое распространение антов около Днепра. Если трудно представить себе «непереходимость» Днестра для антов, то Днепр — и это крайне вероятно — был (в V—VI вв.), действительно их границей и оборонительной линией с востока от агрессии обитателей степи⁴⁹.

Делались, однако, попытки счесть краткое сведение об антах, записанное Прокопием, полностью, так сказать, ответственным. Г. В. Вернадский полагает, что те анты, о которых Прокопий сообщил, что они живут к северу от примэотийских утигуров, были потомками спалов, встреченных готами при их движении на юг, в припонтийские области. Спалы обитали где-то на берегах Танаиса; остаток их этнического имени сохранился

⁴⁹ Б. А. Рыбаков, пожалуй, слишком буквально толкует сообщение Прокопия *Bell. Goth., IV, 4, § 9* (Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1, 1939, стр. 320: «Итак, направление на север от Мэотиды в VI в. является восточным пределом земли антов», стр. 321: «Итак, письменные источники определяют землю антов широкой полосой от Дуная до Донца»); на основе такого толкования территория антов показана на карте (стр. 320), как заходящая на левобережье Днепра. В книге П. Н. Гретьякова «Восточнославянские племена» (М., 1948) анты в VI в. отмечены на карте только на правом берегу Днепра (1948, стр. 74), с чем нельзя не согласиться, но на более схематичной карте во 2-м издании (1952) этой же книги (стр. 157) они распространяются и на левый берег Днепра.

в названии реки Оскол, на которой, по мнению Г. В. Вернадского, готы напали на спалов. Таким образом анты, упомянутые Прокопием, жили в VI в. в районах спалов II в. В связи с тем, что анты в VI в. несомненно в Западном Причерноморье, Вернадский признает наличие двух групп антов: западная группа, которую знал Иордан, жила (с II—III в.) по берегам Буга, восточная же, не соприкасавшаяся с западной и неизвестная Иордану, обитала (уже во II в.) на берегах Донца⁵⁰. Конечно, в течение ряда веков (III—VI) происходило много передвижений племен как в северном Причерноморье, так и в Подунавье, в связи с чем племена могли разделяться, разрываться на части, оседая в разных, отдаленных друг от друга, местах. Тем не менее едва ли следует излишне часто обходить несомненные трудности вопросов о местах расселения племен путем предположения о том, что они бывали разделены. В книге Г. В. Вернадского подобная картина констатируется в отношении и антов, и готов, и бургундов, и герулов. Не слишком ли одинаково объяснение судеб этих племен? Что касается антов, то, как было сказано выше, представляется более вероятным и естественным пытаться отнести сообщения и Иордана, и Прокопия к одному, вероятно весьма крупному, объединению племен, именуемых в источниках антами и, соответственно имеющимся данным, локализуемому в VI в. на нижнем Днепре, Буге, Днестре и частично Дунае.

Относительно связи антов с берегами Днепра сообщается в рассказе Иордана об антском князе со славянским именем Бож (в большинстве рукописей — *Воз* или *Вооз*, один раз — *Вох*) и о войне между готским королем Винитарием и гуннским предводителем Баламбером⁵¹.

В этих текстах, хотя и посвященных событиям, оставившим яркий след в памяти и предании потомков, повествование слишком сжато, чтобы быть раскрытым с полной отчетливостью. Но все же эпизоды, сохраненные Иорданом — и им одним — несколько обогащают дошедшие до нашего времени обрывки истории антов и потому являются драгоценным свидетельством для историка.

События произошли во время правления остроготского «короля» (рикса) Винитария. В связи с этим и следует добиться возможного хронологического уточнения рассказов Иордана. В § 246, возвращаясь к теме об остроготах, Иордан перечисляет факты, с которыми он должен связать свое повествование, а именно: смерть Германариха, отделение визиготов от остроготов и уход первых на запад, подчинение остроготов гуннам (*Hunpogum subditos ditioni*), пребывание остроготов на прежних местах в «Скифии» (*Scythicae sedes; in eadem patria*). После этого Иордан сразу переходит к Амалу Винитарию и, сравнивая его с предшествующими правителями, упоминает деда его Вультульфа, а за ним — Германариха (§ 247). Исходя из этого места в сочинении Иордана, как будто и допустимо считать Винитария непосредственным преемником Германариха, то есть начавшим свое правление примерно с 376 г.

Однако по генеалогии готских королей, которую сам Иордан тщательно переписал на страницы своего труда (§ 79), Винитарий оказывается в третьем поколении после Германариха, приходясь ему внучатым племянником, так как брат Германариха, Вультульф, «родил Валараванса, а Валараванс родил Винитария». Значит, последний не отмечен в генеалогическом списке как непосредственный преемник Германариха: между ними

⁵⁰ G. Vernadsky. *Ancient Russia*. New Haven Yale University Press, 2-е изд. 1944, p. 104—107.

⁵¹ *Get.*, § 247—249. Иордан называет «королями» («риксами», *reges*) всех этих вождей — и готского Винитария, и славянского Божа, и гуннского Баламбера. Так же и в соч. Аммиана Марцеллина (XXXI, 3, 3; 4, 12; 5, 4; 5, 7; 6, 5), Прокопия и других.

назван Валараванс. Этому нельзя не придать значения. Генеалогия древних правителей племени была бережно собрана и сохранена в готской среде. Об этом писал Кассиодор в письмах канцелярии остrogотского двора (*Variae*, IX, 25 и XI, 1; ed. Mommsen. MGH, Auct. ant., XII). Несомненно, что Иордан с полной точностью зафиксировал в своем произведении всю генеалогическую таблицу, причем надо думать, что имена, перечисляемые в ней, принадлежали только вождям, а не перемежались именами некоролей из рода Амалов. Итак, признавая официальный характер генеалогии готских королей, приходится разъединить начало правления Винитария и год смерти Германариха. Он умер, как принято считать⁵², в 376 г., после чего и развернулись описанные Иорданом события борьбы между готами, антами и гуннами. Следовательно, поход остrogотов с Винитарием на антов — уже после покорения остrogотов гуннами — едва ли мог произойти в 375 г., как полагают авторы ряда исследований⁵³, а произошел позднее и, что явствует из анализа текста, — не в самом начале правления Винитария. Последний лишь понемногу (*paullulum*) стал освобождаться, выходить из-под власти и контроля гуннов, и не сразу, а постепенно подготовившись, в самостоятельном походе, без ведома гуннов, напал на антов. В столкновениях между войсками Винитария и антского князя Божа, несмотря на краткость сообщения, указаны три этапа: сначала анты победили остrogотов, затем остrogоты одолели антов, затем последовала устроенная как публичное зрелище казнь Божа его сыновей и 70 приматов (*primates*). Все это тоже потребовало времени. По всем вышеуказанным соображениям дату борьбы Винитария с Божом и, тем более, расправы с целым племенем, которое лишилось своей верхушки, необходимо отодвинуть по крайней мере на самый конец IV, а то и на начало V столетия.

Судя по длительности подготовки остrogотов к походу, по доставшейся не сразу победе и по особенной казни побежденных врагов, можно заключить, что анты представляли собой значительную и организованную силу в виде крупного объединения племен, при наличии социального расслоения с достаточно мощной верхушкой. Излишне констатировать как первичное явление дифференциацию в антском обществе по данным VI в., если уже к началу V в. анты, по сообщению Иордана, имели и князя, и многочисленную знать. Показательна казнь Божа, его сыновей и 70 приматов: она отличается чертами политической демонстрации, которая, по-видимому, настолько потрясла современников, что оставила яркий след в традиции. Это памятное событие крепко держалось в предании и через полтора века отразилось в красноречивой, хотя и скупой, передаче историка, отнюдь не склонного к красочным описаниям. Несомненно, что остrogоты торжествовали свою победу над антами, рассматривая их как важного и крупного противника, объединенного с гуннами, и, более того, по-видимому, вышедшего из-под их, остrogотов, власти. В словах Иордана сквозит повышенная враждебность остrogотов к антам, выражена мстительная жестокость победителей к побежденным. Ясно, что в ту эпоху насильственное истребление людей, всевозможные казни как государственного, так и частного порядка, не представляли собой какого-то небывалого, редкостного

⁵² Л. Шмидт (L. Schmidt. *Geschichte der deutschen Stämme*, S. 252—253) полагает, что Германарих убил себя в 370 г. Ф. Ло (F. Lot. *Les invasions germaniques*. Paris, 1935, p. 58) относит покорение остrogотов гуннами к 375 г.

⁵³ Б. А. Рыбаков. *Анты и Киевская Русь*, стр. 334; П. Н. Третьяков. *Восточнославянские племена*, 1-е изд., стр. 67; 2-е изд. М., 1953, стр. 147; Б. Д. Греков. *Киевская Русь*. М., 1949, стр. 436; F. Dvornik. *The Slavs, their early history and civilization*. Boston, 1956, p. 25.

явления. И тем не менее, в данном случае казнь Божя и антской знати отмечена особо: сообщается и об особом виде казни — распятии, и об особой цели внушить ужас фактом позорного уничтожения могущественных людей — представителей племени, и о желании утвердить на будущее этот страх среди «сдавшихся на милость» (*dediticiis*) зрелищем висящих трупов казненных⁵⁴.

Из слов Иордана выясняется до некоторой степени связь между антами и гуннами именно в период описываемых событий. Король остроготов «с горечью переносил» подчинение гуннам и . . . пошел войной на антов. После победы над антами остроготы избавились от подчинения гуннам и пользовались свободой около года. Этого «не потерпел гунский рикс Баламбер» и явился отомстить за расправу над антским князем и восстановить гуннскую (антскую?) власть над остроготами. Произошли сражения между остроготами и гуннами на реке Эрак, хотя до сих пор остроготы воевали только с антами. На основе этих смутно обрисованных взаимоотношений между остроготами, антами и гуннами возникает вывод, что гунны, покорившие остроготов, имели антов своими союзниками, причем, быть может, предоставили им, как живущим близко к областям остроготов, право собирать дань с последних. Во всяком случае, в рассказе Иордана анты изображены как бы аванпостом гуннов в сторону остроготов. Вместе с тем, разгром антов Винитарием кажется ответом на отход последних от готов, так как до того времени они подчинялись власти Германариха. Однако, конечно, не наказание антов составляло главную задачу остроготов, а возвращение себе независимости от гуннов. Как известно, в начале V столетия гунны в основной массе уже были на Дунае⁵⁵. Для того, чтобы вмешаться в дела антов, разгромленных остроготами, и вновь подчинить себе последних, гуннам, несомненно, пришлось двинуться куда-то на восток. Они сделали это не сразу, а спустя год; отсюда можно заключить, что поход на восток против остроготов был не мелким предприятием где-то поблизости, а крупным делом, сопряженным с далеким путем.

Куда же гунны направили свой поход? Иначе — где располагались остроготы в конце IV в.? Где именно произошла битва между гуннами с Баламбером и остроготами с Винитарием? Иначе — какой реке соответствует река с именем Эрак, на которой сошлись противники?

Иордан многократно указывает, что готы, продвинувшись с севера, обосновались у берегов Понта Евксинского. Позднее, когда они уже разделились на остроготов и визиготов, первые прочно жили у морского побережья. Судя по контексту — а здесь Иордан делает много запутывающих его изложение длинных отступлений — их область находилась где-то

⁵⁴ Способ, которым остроготы умертвили Божя, его сыновей и антских приматов, передается глаголом *adfigere* — прикреплать, привешивать. Распятие, прикрепление к кресту, практиковалось среди гуннов и применялось, по-видимому, в особо важных случаях, как казнь наиболее «эффектная». Приск рассказывает о казни распятием, причем казнены были перебежавшие к ромеям сыновья знатных гуннов «дарского происхождения» (*Prisci fragm.* 1, ed. Dindorf, 1, p. 277). Приск употребляет глагол *σταυρῶς* (*ὁ σταυρός* — крест).

⁵⁵ Став близкими соседями Византии, которая привлекала теперь все их внимание, и не достигнув еще полного объединения и могущества, гунны старались угодить империи. Примером тому может служить присылка императору Аркадию гуннским (задунайским) предводителем Ульдином головы готского комитета Гайны в 400 г. (См. хронике Марцеллина комита под 400 г. (MGH, Auct. ant., XI), сочинения Сократа, VI, 6 (ed. W. Bright. Oxford, 1878) и Зосима, V, 22 (ed. Mendelssohn. Leipzig, 1887). Ср. также сообщение о гуннах и аланах во Фракии и в Дакии уже в конце IV в. (*Aurel. Vict. Epit.*, 47, § 3, ed. Pichlmayr, p. 173).

близ устья Днепра и на прилегающих берегах залива⁵⁶. Следовательно, остроготы были тогда соседями антов, и быть может заходили на левобережье (древняя Гилея?) Днепра.

Вполне точно о месте военных действий между остроготами и гуннами (а также, вероятно, и о месте, где происходили столкновения между остроготами и антами) свидетельствует упоминание Иорданом реки Эрак (§ 248—249). Моммзен без колебаний согласился на толкование, данное в трактате Константина Порфирородного «De administrando imperio», гл. 45: ὁ Ἐραξ ἦτοι ὁ Φάσις. В древности последним именем обозначались две реки — либо Рион, либо верхнее течение Аракса. У Константина подразумевается не Фасис—Рион в Колхиде, а Фасис—Аракс (Ἐραξ) в Армении⁵⁷. Ясно, что война между остроготами и гуннами, вызванная нападением Винитария на антов, не могла произойти в Закавказье, а произошла там, где жили в конце IV—начале V вв. остроготы. Поход гуннов был для них весьма опасен, и они, надо думать, отходя на восток, подошли к крайнему своему пределу — Днепру, где Баламбер убил Винитария и одержал победу. Значит, река Эрак, соответственно топографии и ходу событий, по всей вероятности — нижний Днепр. В недавно вышедшем русском этимологическом словаре⁵⁸, под словом Днепр, разобраны различные названия этой реки («ein schwieriger Name») и между прочим указано, что название Βαρύουχ, приводимое Константином Порфирородным⁵⁹, возможно, перекликается с осетинским vāgāχ (в значении «широкий»). Отождествление Эрак—Днепр подтверждается некоторыми более поздними средневековыми аналогиями. На итальянских мореходных картах — портоланах XIV—XV вв. встречается обозначение Днепра названиями Egehe, Eresse, Elehe, Elise. В записях венецианского купца Иосафата Барбаро, который много лет (с 1436 по 1452 г.) прожил в городе Тане близ устья Дона, названа река Эличе (Elise). Соответственно контексту под ней следует подразумевать Днепр⁶⁰. В этих источниках отражена не древняя топонимика, которая, конечно, уже отмерла в XIV—XV вв. и могла встретиться лишь в литературных произведениях, но живая, обиходная топонимика, воспринятая из словаря местного населения. Портоланы и записи купца создавались практиками в помощь деловому ознакомлению со странами, где было выгодно торговать. Поэтому можно быть уверенным, что название Egehe (и другие, близкие ему фонетически, формы) было в XIV—XV вв. общеизвестным названием Днепра. Отсюда допустимо заключение, что и имя Эрак относилось к Днепру. Возможно, что Эраком, Egehe, Elise, называли Днепр только в его нижнем течении, то есть ниже порогов, примерно начиная от Крайней переправы, к которой в течение столетий сходились многие степные пути.

Итак, внимательное рассмотрение свидетельства Иордана и других письменных источников об антах позволяет извлечь следующие сведения: что Иордан и Прокопий, ведя речь об антах — один со стороны запада, другой со стороны востока (от Кавказа), — имели в виду восточную границу антов на берегах Днепра (разумеется, где-то в части нижнего течения);

⁵⁶ Ср. Get., § 38, 42, 46, 82, 89, 246. Нельзя забывать, что обитание остроготов в этих местах относится к IV—началу V вв., а сообщение Иордана об антах, живущих в излучине моря между Днестром и Днепром, относится уже к VI в.

⁵⁷ У Иордана три раза упомянут Аракс в Армении: Araxes, Abraxes (§ 30, 43, 61).

⁵⁸ Russisches etymologisches Wörterbuch von Max Vasmer. I—II, Heidelberg, 1953—1955.

⁵⁹ De adm. imp., cap. 38, ed. Gy. Moravcsik, p. 174; ed. Bonn., p. 171.

⁶⁰ «Viaggio alla Tana», I, in: G. B. Ramusio. Navigazioni e viaggi, I, Venezia, 1559 и др. издания.

что в эпизоде об антском князе Боже содержится приблизительная дата, когда уже существовал антский племенной союз, а именно конец IV — начало V в., и намечается территория этих антов — близ берегов р. Эрака, т. е. Днепра (нижнего); что на рубеже V столетия днепровские анты входили в число союзников гуннов; что тогда же остроготы, будучи покорены гуннами, в какой-то мере подчинялись антам.

Свидетельства Иордана о попытках остроготов, уже покоренных гуннами, вернуть себе независимость, об их походе на антов и об их окончательном поражении на р. Эрак гуннским предводителем Баламбером являются единственными и никак, при современном количестве и содержании сохранившихся источников, не могут быть ни сопоставлены с другими материалами, ни проверены.

Более того, факты, приводимые Иорданом и анализированные здесь выше, не упомянуты современником событий Аммианом Марцеллином, и даже как будто расходятся с его данными. У Аммиана преемником Германариха назван Витимир, погибший в битве с аланами, а преемником Витимира — малолетний Витерих, о Винитарии же, герое Иордана, нет ни слова⁶¹. Это, по-видимому, привело такого знатока истории германских племен, каким был Людвиг Шмидт, к мысли о том, что «привязанные к Германариху короли Винитарий, Хунимунд, Торисмуд измышлены»⁶², что рассказы Иордана в большей части не отражают оригинальной готской традиции, но являются «выдумкой Кассиодора»⁶³. Едва ли с таким мнением можно безоговорочно согласиться. Конечно, Аммиан Марцеллин принадлежит к серьезнейшим историкам своего времени, будучи и современником, и иногда свидетелем событий, которые он описал. Но он — как, например, и Прокопий — хуже другого знал о судьбах племен в Причерноморье и к северу от Дуная. Представляется вероятным, что его сведения не могли быть полными: нашествие гуннов раскидало готов, разделило их на оторванные друг от друга части, и проследить историю каждой отдельной группы было невозможно даже для современника. В изложении Аммиана различаются и переплетаются многие, порой не совсем отчетливые группы готов. Он называет готов «оптиматов» Сверида и Колии, группу Алавива и Фритигерна, группу Фарнобия, группу Алафея и Сафрака, наконец — вообще «*Gothorum reliquae gentes*». Ничто не мешает предположить, что Иордан, со своей стороны, в соответствии с близкой ему традицией, описал историю еще одной подобной группы.

Апокрифичность сообщений Иордана, о которой столь решительно заявил Л. Шмидт, невозможно доказать, тем более что некоторые из сведений, записанных Иорданом, перекликаются со сведениями, находимыми у Аммиана (у обоих упомянуты Фритигерн, Алафей и Сафрак, оба одинаково отразили состояние Германариха перед смертью). Кроме того, те именно события, о которых нет речи в сочинении Аммиана, затруднительно счесть вымыслом, так как они вовсе не носят характера восхваления, не содержат в себе ничего прославляющего готов, и, следовательно, они не тенденциозны (победа над антами не принесла готам свободы, сражение с гуннами — да еще в определенном географическом районе, вовсе, так сказать, не «готском»! — принесло готам порабощение). На фоне таких образований особенно выделяется, как выдающееся по интересу для любого

⁶¹ Г. Вернадский (G. Vernadsky. *Ancient Russia*, p. 121) допускает, что преемник Германариха имел два имени: Винитарий — готское имя, отмеченное Иорданом, Витимир — славянское имя, отмеченное Аммианом. Таким образом, свидетельства обоих писателей могут относиться к одному лицу.

⁶² L. Schmidt. *Geschichte...*, S. 253.

⁶³ *Ibidem*.

историка, раннее сообщение о славянском племени антов, мимо чего недопустимо пройти без внимания и без анализа. В известной мере, с учетом рассказа Аммиана, не отвергает серьезности слов Иордана об антах Г. В. Вернадский, который однако, путем сложного и не очень убедительного доказательства, принимает антов за ассов — аланов, союзников гуннов⁶⁴.

* *
*

Имя антов в письменных источниках (кроме антов Божа у Иордана) относится к весьма недолгому периоду: только к VI в. и, быть может, к самому началу VII в. Найти причину исчезновения в текстах средневековых авторов этого этнического названия еще не удается; утеряно оно и в традиции, питавшей начальную русскую летопись, несмотря на то, что исследователи угадали в ней много следов устной народной литературы. Однако, быть может, анты не совсем исчезли из преданий, которые отразились в летописи, но их имя все же сохранилось в ней, однако, не в форме, принятой известными нам писателями VI—VII вв. («*Antai*» Прокопия, Менандра, автора «Стратегикона», Феофилакты Симокатты, «*Antes*» и «*Anti*» у Иордана). Некоторые ученые — более или менее осторожно — ставили вопрос: не было ли имя «дулебы», четко упоминаемое в «Повести временных лет», синонимом имени «анты»?

Д. С. Лихачев в комментарии к последнему изданию «Повести временных лет» не сблизил эти два названия, хотя упомянул⁶⁵ соответствующие страницы труда Б. Д. Грекова «Киевская Русь». А Б. Д. Греков почти поставил знак равенства между антами и дулебами, исходя, как он сам указывает, из некоторых соображений В. О. Ключевского⁶⁶.

Наблюдения Ключевского и общих, но не до конца сформулированный вывод Грекова послужили импульсом для попыток дальнейшего уточнения важного исторического факта. Украинский археолог М. Ю. Брайчевский⁶⁷ настоятельно выразил мысль о тождестве антов и дулебов именно в VI в., когда византийские письменные источники достаточно часто упоминают первых, а вторые совершенно точно констатируются русской летописью⁶⁸. Доводы М. Ю. Брайчевского сводятся к следующему: антское объединение и дулебский союз располагались в одно и то же время на одной и той же территории — по Днестру, по Бугу, по правобережью Днепра; в связи с этим трудно предположить существование двух разных крупных политических объединений на одной и той же территории, в одно и то же время, у одних и тех же восточных славян; и анты и дулебы вели борьбу с аварами и, не выйдя из нее победителями, сошли с исторической

⁶⁴ G. Vernadsky. Op. cit., p. 90, 120—130.

⁶⁵ «Повесть временных лет», т. II. М.—Л., 1950, стр. 222, 224—225.

⁶⁶ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 437—438. Рассмотрев известия о дулебах в «Повести временных лет» и о волыняках в «Золотых лугах» Масуди, автор приводит цитату из «Курса русской истории» В. О. Ключевского (т. I, 1937, стр. 103—104) о том, что «дулебы господствовали над всеми восточными славянами и покрывали их своим именем», о том, что образовался «большой военный союз под предводительством князя дулебов». Соглашаясь с этим представлением В. О. Ключевского о союзе славянских племен, возглавлявшемся дулебами, Б. Д. Греков непосредственно ниже говорит: «Итак, анты (подчеркнуто мной. — Е. С.)... уже в VI—VII веках создали свою политическую организацию».

⁶⁷ М. Ю. Брайчевский. Антский период в истории восточных славян. «Археология», т. VII, Киев, 1952, стр. 21—42.

⁶⁸ ПСРА, т. I, вып. I (1926), стр. 11—12; «Повесть временных лет», т. I. М.—Л., 1950, стр. 13—14 и 209—210.

арены, причем даты их уничтожения («их знищення») или сильного поражения аvaraми совпадают.

Указанный исследователь убежден, что ряд подобных совпадений не может быть случайным: «дулебский союз племен и антское политическое объединение — одно и то же историческое явление, которое оставило под разными названиями свои следы в разных литературных трудах»⁶⁹. Для обоснования своих соображений М. Ю. Брайчевский стремился опираться на письменные византийские источники, но, к сожалению, пользовался для этой цели только малоудовлетворительным для научного исследования изданием русских переводов кратких отрывков из них⁷⁰. Не имея перед глазами критического издания источника в оригинале, он, например, игнорирует более раннего писателя, каким был Феофилакт Симокатта (VII в.), в пользу более позднего — Феофана (IX в.), кое-где буквально повторявшего данные Феофилакта⁷¹. Едва ли правильно упрекает М. Ю. Брайчевский В. О. Ключевского в том, что последний не усмотрел («не разглядав») ⁷² в антах дулебский союз племен, не обратил внимания на рассказ Менандра о посольстве Межамира к аvaraм и не сопоставил («досить порівняти») ⁷³ этого рассказа с рассказом о дулебах в летописи, не сопоставил гибели антов и дулебов от одного и того же врага, в одно и то же время. Ведь и сам автор статьи об антском периоде в истории восточных славян не проявил достаточного внимания к свидетельствам источников. Дело в том, что сообщение Менандра (об антском посольстве Межамира, сыне Идаризия, брате Келагаста)⁷⁴, которое М. Ю. Брайчевский считает наиболее красноречивым и доказательным для своего тезиса, не свидетельствует об окончательном поражении антов аvaraми и не относится к тому времени, когда, примерно, исчез антский союз. После того, как аvarы убили Межамира, нарушив неприкосновенность особы посла, они двинулись опустошать область антов. Менандр сообщает об этом кратко, но вполне ясной фразой: «... с тех пор больше, чем раньше, стали они разорять землю антов и не переставали захватывать рабов, уводя людей и увозя имущество» — «ἐξ ἐχείνου πλέον ἢ πρότερον ἔστερνον τὴν γῆν τῶν Ἀντῶν καὶ οὐκ ἀνίσταν ἀνδραποδιζόμενοι καὶ ἄγοντές τε καὶ φέροντες». Из этих слов видно, что нападения аvarов на землю антов, увод людей в рабство и грабежи продолжались и даже усиливались. Менандр констатирует продолжение совершавшихся и раньше враждебных действий аvarов по отношению к антам, что понятно и из грамматического строя фразы (формы глаголов). Он констатирует также стремление антов выкупить своих плен-

⁶⁹ М. Ю. Брайчевский. Ук. соч., стр. 39.

⁷⁰ А. В. Мишулин. Материалы к истории древних славян. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э., ВДИ № 1 (14), 1941, стр. 230—280.

⁷¹ Например, стр. 31, прим. 8. О Мусокии, предводителе склавенов (не антов), первым написал Феофилакт Симокатта, VI, 9, 1—6 (ed. de Boor, p. 236—237). Все заимствования Феофана у более ранних писателей тщательно отмечены в превосходном издании К. де Боора.

⁷² М. Ю. Брайчевский. Ук. соч., стр. 38. — Необходимо подчеркнуть, что соображения, высказанные Ключевским более полувека тому назад, воспринимались некоторыми учеными даже как окончательное установление тождества между антами и дулебами. В 1946 г. в книге «Славяне в древности» академик Н. С. Державин писал: «В. О. Ключевский в своем «Курсе русской истории» (т. I)... высказался в том смысле, что именно дулебы господствовали в VI в. над всеми восточными славянами и покрывали их своим именем. — Таким образом Ключевский, говоря о существовании у восточных славян на Карпатах в VI в. «большого военного союза под предводительством князя дулебов», тем самым разрешал проблему об антах в том смысле, что это были дулебы» (стр. 14—15).

⁷³ Там же, стр. 39.

⁷⁴ Menandri Fragm. 6 (ed. Dindorf, II, p. 5—6).

ников и наладить мир с аvaraми путем переговоров через посла, не оказавшегося, впрочем (как видно из слов Менандра о спеси и хвастливости Межамира), хорошим дипломатом и погибшего, не достигнув успеха, при исполнении своей миссии. Одним словом, событие с посольством Межамира не может рассматриваться, как непосредственно предшествовавшее разгрому антов аvaraми. Особенно важно обратить внимание на то, когда оно произошло. Из повествования Менандра следует, что эпизод с антским посольством случился сразу после первого аварского посольства в 558 г. ко двору Юстиниана, когда византийская дипломатия толкнула аваров на враждебные Византии гуннские племена утигуров, залов и савиров, а затем и на антов. Авары в пору этого первого их посольства в Константинополь в 558 г. были соседями аланов (на северном Кавказе) и утигуров (около Мэотиды); тогда же они начали движение на запад и, перейдя Днепр, стали — вероятно, в угоду Византии — нападать на антов. Поэтому посольство Межамира к аvaraм едва ли можно датировать временем позже 559—560 года⁷⁵. Таким образом, вышеупомянутый текст Менандра не годится для подкрепления тождества «анты—дулебы».

Конечно, для историка крайне заманчиво всесторонне разрешить задачу об антах, в числе прочего — найти возможность объяснить «конец» их исторического существования (как антов), уточнить их как бы заявляющую о себе связь с летописными дулебами. . . Но при имеющемся составе источников эта задача пока остается неразрешимой. Тождество антов и дулебов, несмотря на авторитет Ключевского и Грекова, может быть лишь слабой гипотезой, остро нуждающейся в подкреплении и в устранении возражений (в числе последних особенно важно возражение, связанное с дулебами, локализуемыми на реке Мораве, в Чехии). Что же касается «конца» антов, то приходится ограничить себя лишь рассмотрением того свидетельства о них, которое является для нас последним. Оно, к сожалению, не дает полного ответа на вопрос о том, почему и каким образом племя (или союз племен), определявшееся современниками как могущественное и многочисленное, исчезло из сочинений историков. Мало вероятным кажется предположение о быстрой ассимиляции в среде иных племен (тем более — так же, как и анты, славянских!); еще менее вероятна мысль о наступившей слабости антов, в силу чего у византийцев, будто бы, пропала вдруг надобность даже упоминать о недавних опасных врагах.

Итак, последним писателем, назвавшим имя антов на страницах своего труда, был Феофилакт Симокатта. В VIII-ой книге своей «Истории» он сообщил, что аварский хаган, воевавший против ромеев, послал своего военачальника Апсиха с поручением «совершенно истребить племя антов», так как анты были тогда союзниками ромеев, хотя прежде нередко бывали союзниками аваров, как это показано, например, у Менандра. Вот эта фраза Феофилакты Симокатты: «ἀτάρ τὰς Ῥωμαίων ἐφόδους ὁ χαγάνος μεραθρῶς τὸν Ἄψιχ μετὰ στρατοπέδων ἐξέπεμπεν, ὅπως τὸ τῶν Ἀντῶν διολέσειεν ἔθνος, ὃ σύμμαχον Ῥωμαίοις ἐτόγγυαεν ὄν». — «между тем хаган, узнав о нападениях ромеев, послал Апсиха с войсками с тем, чтобы истребить племя антов, которое было в союзе с ромеями»⁷⁶ Выразителен глагол διόλλυμι, — совершенно, до конца уничтожить. Автор, записавший это известие, не развил своего сообщения и не сказал, удалось ли Апсиху покорить антов, тем более — истребить их⁷⁷.

⁷⁵ См. Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. I, 1942, S. 254—257.

⁷⁶ Theophyl. Sim., VIII, 5, 13, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887, p. 293.

⁷⁷ Это же сообщение, переписанное дословно, одиноко мелькнуло в «Хронографии» Феофана (Theophanes. Chronographia, ed. C. de Boor, t. I, p. 284). В вышеупомянутой книге Н. С. Державина (см. прим. 72) сообщение Феофана, писателя IX в.,

Необходимо только добавить некоторые соображения о дате аварского похода на антов⁷⁸. Как известно, сочинение Феофилакта Симокатты, жившего при императоре Ираклии (610—641), посвящено правлению императора Маврикия (582—602) и не выходит за пределы 602 г.⁷⁹ Таким образом, сообщение Феофилакта о намерении аварского хагана уничтожить племя антов (ὅπως τὸ τῶν Ἀντῶν διολέσσειεν ἔθνος) едва ли может относиться ко времени после 602 г. и вероятнее всего относится либо к самому концу VI в., либо к рубежу VI—VII вв.⁸⁰

принято за самостоятельное, наиболее позднее упоминание об антах, что конечно, неправильно; ошибочно Феофан назван Феодосием (Славяне в древности, 1946, стр. 17).

⁷⁸ В статье М. Ю. Брайчевского временем уничтожения антского союза аварами считается середина VII в. (ук. соч., стр. 39, 40), что неправильно.

⁷⁹ В конспективном обзоре труда Феофилакта, сделанном Фотием (ум. в 891 г.), сказано о содержании «Истории» этого автора: «он начинает с владычества Маврикия и доходит до превозглашения Фоки» (Theophyl. Sim., ed. C. de Boor, p. 3). Последнее произошло в ноябре 602 г.

⁸⁰ Вопросы, возникающие при анализе дошедших до нас сведений о склавенах и антах, не всегда поддаются — из-за ограниченности материала письменных источников — решению без всяких оговорок. В каждом особом случае такое решение может быть лишь более или менее убедительным. В данной статье автор и пытается найти наиболее убедительные — соответственно своему пониманию истории V—VI вв. — решения, которые могли бы стимулировать дальнейшее исследование. Автор надеется, что его работа будет использована археологами, которым, быть может, предстоит найти решения не только убедительные, но и окончательные.
